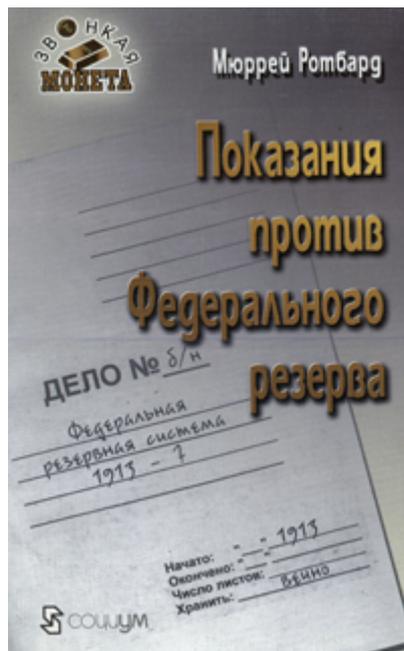

Показания против Федерального резерва-Мюррей Ротбард

Ротбард Мюррей

Показания против Федерального резерва.

Введение:

деньги и политика

Наиболее секретными и наименее подотчетными службами федерального правительства являются не ЦРУ или Разведывательное управление Министерства обороны США и не другие сверхсекретные службы, как можно было бы подумать. ЦРУ и другие разведывательные агентства находятся под контролем Конгресса. Их деятельность подотчетна: соответствующий комитет Конгресса контролирует эти службы, их финансирование и получает информацию об их секретной деятельности. Безусловно, отчет перед комитетом и сами действия закрыты для общественности; но по крайней мере присутствие представителей народа в Конгрессе предполагает некоторый контроль над этими службами.

Однако мало кому известно, что существует федеральное агентство, которое во много раз превосходит все остальные с точки зрения секретности. Федеральная резервная система не подотчетна никому. Она не имеет бюджета, не подвергается аудиторским проверкам, ни один комитет Конгресса не знает об ее операциях и не может их контролировать. Федеральный резерв, фактически полностью контролирующей денежную систему страны, ни перед кем не отчитывается, причем такое странное положение дел преподносится как некое благо.

Когда президент, которым впервые более чем за десятилетие стал демократ, был приведен к присяге в 1993 г., почтенный демократ, председатель Банковского комитета палаты представителей, техасец Генри Гонсалес, был настроен весьма оптимистически, представляя некоторые свои излюбленные проекты о том, как сделать Федеральный резерв прозрачным для общественности. Его предложения казались мягкими, он не требовал полного контроля Конгресса над федеральным бюджетом. Законопроект Гонсалеса требовал полностью независимого аудита операций Федерального резерва; видеозаписи собраний комитета,

определяющего политику Федерального резерва; публикации подробных протоколов этих собраний в течение недели вместо того, чтобы публиковать расплывчатые отчеты о своих решениях спустя шесть недель, как это практикуется сейчас. Кроме того, президенты двенадцати Федеральных резервных банков должны назначаться президентом США, а не коммерческими банками соответствующих регионов, как в настоящее время.

Следовало ожидать, что председатель Федерального резерва Алан Гринспен будет резко возражать против таких предложений. В конце концов, это в характере бюрократов не допускать никакого посягательства на их безграничную власть. Однако более удивительным оказался отказ от этого плана президента Клинтона, чья власть в результате таких мер только упрочилась бы. Реформы Гонсалеса, заявил президент, рискуют подорвать доверие рынков к Федеральному резерву.

На первый взгляд, такая реакция президента, хотя и традиционная для руководителей высшего звена, кажется довольно странной. Прежде всего разве основой демократии не является право народа знать, что происходит в правительстве, за которое они должны голосовать? Разве информированность и полная открытость не укрепляют веру американской общественности в ее финансовые службы? Каким образом осведомленность общественности может «подорвать доверие рынков»? Почему доверие рынков зависит от обеспечения гораздо меньшей открытости, чем предоставляется обладателям военных секретов, которыми могут воспользоваться внешние враги? В чем здесь дело?

Обычный ответ Федерального резерва и его сторонников заключается в том, что любые меры, какими бы несущественными они ни были, будут угрожать независимости Федерального резерва от политики, что представляется само собой разумеющимся. Денежная система настолько важна, заявляют они, что Федеральный резерв должен пользоваться полной независимостью.

«Независимость от политического влияния» звучит очень заманчиво и является основным аргументом при обосновании вмешательства бюрократии и государственной власти со времен прогрессивной эры[1]. Уборка улиц, контроль над морскими портами, управление промышленностью, обеспечение общественной безопасности — эти и многие другие функции правительства считаются «слишком важными», чтобы быть предметом политической «прихоти». Очень легко сказать, что частная или рыночная деятельность должна быть свободна от правительственного контроля и в этом смысле «независима от политики». Но ведь мы говорим о государственных органах и деятельности, и заявление о том, что правительство должно быть «независимо от политического влияния», может иметь различное толкование. Ведь правительство в отличие от частного бизнеса на рынке не подотчетно ни акционерам, ни потребителям. Правительство может держать ответ только перед общественностью и ее представителями в законодательных органах. Если правительство становится «независимым от политического влияния», это может означать только, что правительство монополизируется бессменной олигархией, которая ни перед кем не подотчетна. Общество никогда не сможет сменить ее состав или «вышвырнуть мошенников». Если ни один человек или ни одна группа людей, будь то акционеры или избиратели, не могут сменить правящую элиту, то такая элита более подходит для диктатуры, а не для демократической страны. И все же любопытно, как многие самопровозглашенные поборники «демократии», местной или мировой, устремляются на защиту идеала полной независимости Федерального резерва.

Конгрессмен Барни Фрэнк (штат Массачусетс), соавтор законопроекта Гонсалеса, указывает, что, «если исходить из таких принципов, как реформа управления и большая открытость правительства, то очевидно, что Федеральный резерв нарушает их в гораздо большей степени, чем любая другая ветвь государственной власти». Чем же тогда обосновывается расхваливаемый «принцип» независимости Федерального резерва?

Полезно узнать, кто может быть защитником этого принципа и какую тактику он использует? Предположительно политическим агентством, от которого Федеральный резерв особенно хочет быть независимым, является Министерство финансов США. Но нет, Фрэнк Ньюман, заместитель министра финансов, отвечающий за внутренние финансы при президенте Клинтоне, отвергая реформу Гонсалеса, заявляет: «Федеральный резерв независим, и это одна из основополагающих концепций». Кроме того, небольшое разоблачение было сделано газетой New York Times, когда она описывала реакцию на законопроект Гонсалеса: «Федеральный резерв уже работает за кулисами, чтобы направить батальоны банкиров жаловаться по поводу попыток политизировать центральный банк» (12 октября 1993 г.). Звучит правдоподобно. Но зачем нужно этим «батальонам банкиров» организовывать поддержку полного контроля Федерального резерва над денежной и банковской системой страны? Почему банкиры с такой готовностью защищают федеральное агентство, которое контролирует и управляет ими и фактически определяет деятельность банковской системы? Не должны ли частные банки желать некоего сдерживания, некоторой узды для своего хозяина? Зачем управляемой и контролируемой индустрии так любить бесконтрольную власть их собственного

федерального ревизора?

Давайте посмотрим на любую другую сферу частной хозяйственной деятельности. Не будет ли подозрительным, если, скажем, страховой бизнес потребует бесконтрольной власти для государственных регуляторов, бизнес в области перевозок - абсолютной власти для Комиссии по междуштатной торговле, а фармацевтические компании начнут громко просить о полной и секретной власти для Управления по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными препаратами? Не является ли столь же подозрительными странным образом устраивающие обе стороны отношения между частными банками и Федеральным резервом? Что здесь происходит? Цель нашей книги сделать Федеральный резерв прозрачным для широкой публики, каковым он, к сожалению, не является.

Абсолютная власть и отсутствие подотчетности Федерального резерва обычно защищаются на одном основании: любое изменение может ослабить негибкую приверженность Федерального резерва вести постоянную «борьбу с инфляцией». Это постоянно повторяемое обоснование защиты неограниченной власти Федерального резерва. Реформы Гонсалеса, предупреждают представители Федерального резерва, могут быть расценены финансовыми рынками как «ослабление способности Федерального резерва бороться с инфляцией» (*New York Times*, 8 октября 1993 г.). На последовавших вскоре слушаниях в Конгрессе председатель Федерального резерва Алан Гринспен развивал именно эту точку зрения. Политики и, вероятно, общественность всегда стремятся увеличить выпуск денег и тем самым ускорить инфляцию (цен). По словам Гринспена, «существует стремление нажать на денежный акселератор или по крайней мере обойтись без денежного тормоза до следующих выборов... Поддаться такому соблазну — это значит подтолкнуть экономику к инфляции, что может привести к нестабильности, спаду и экономическому застою».

Отсутствие подотчетности Федерального резерва, добавляет Гринспен, — это малая цена за то, чтобы не допустить влияния политиков, поведение которых определяется коротким избирательным циклом, на проведение денежной политики (*New York Times*, 14 октября 1993 г.).

Вот, оказывается, в чем дело. Общественность в соответствии с мифом, созданным Федеральным резервом и его сторонниками, — это огромный зверь, который постоянно жаждет денежной инфляции, подвергая экономику большой опасности. Ужасные неудобства, называемые «выборами», сильно воздействуют на политиков, особенно в таких политических институтах, как палата представителей Конгресса, которая обращается к народу каждые два года, и поэтому особенно реагирует на его желания. С другой стороны, Федеральный резерв, управляемый специалистами, независимыми от общественного стремления к инфляции, всегда стоит на страже, готовый в любую минуту отстаивать истинные интересы публики в вечной борьбе с Горгоной инфляции. Короче говоря, общественность остро нуждается в абсолютном контроле Федерального резерва над деньгами, чтобы спасти ее от самой себя и ее сиюминутных желаний и прихотей. Одного экономиста, который потратил много времени в 1920—1930-е годы на создание центральных банков в третьем мире, называли «врачом денег». В наш терапевтический век Гринспен и его соратники хотели бы стать денежными «терапевтами», добрыми, но строгими надсмотрщиками, которых мы наделяем полной властью, чтобы спасти нас от самих себя.

Но подходят ли частные банки для проведения такой терапии? По заверениям представителей Федерального резерва, очень даже подходят. Предложение Гонсалеса о том, чтобы президент вместо региональных банкиров назначал региональных президентов Федерального резерва, по словам этих представителей, «затруднило бы борьбу с инфляцией силами Федерального резерва». Почему? Потому что «верный способ снизить инфляцию» — это «дать частным банкам право назначать президентов региональных банков». И почему надделение этим правом частных банков — это «верный способ»? Потому что, по словам представителей Федерального резерва, частные банкиры — «это самые яростные ястребы в борьбе с инфляцией» (*New York Times*, 12 октября 1993 г.). Теперь нам более понятна картина мира в головах сторонников и служащих Федерального резерва. Не только общественность и угодливые политики вечно подвергаются соблазну инфляции, но еще и самому Федеральному резерву важно иметь прямые отношения с частными банкирами, так как они, будучи «самыми яростными ястребами в борьбе с инфляцией», могут только усилить приверженность Федерального резерва борьбе с инфляцией.

В этом заключается идеология Федерального резерва, представленная в его собственной пропаганде, так же как и в приводных ремнях уважаемой верхушки власти, таких, как *New York Times*, и в выступлениях и книгах бесчисленных экономистов. Даже те экономисты, которые не против увеличения инфляции, разделяют и повторяют такое видение роли Федерального резерва. И все же каждый аспект этой мифологии — обратная сторона истины. Мы не можем иметь правильное понимание о деньгах, банковской системе или Федеральном резерве до тех пор, пока эта ложная легенда не будет разоблачена.

Существует один и только один аспект общепринятой легенды, который остается верным: основным возбудителем вируса хронического роста цен является инфляция, или денежная экспансия. Увеличение производства или поставок хлопка приведет к понижению его цены на рынке. Точно так же выпуск большего количества денег сделает единицу денег, каждый франк или доллар дешевле и уменьшит их покупательную способность на рынке.

Но давайте рассмотрим этот общепризнанный факт в свете вышеуказанного мифа о Федеральном резерве. Предполагается, что общественность шумно выступает за инфляцию, тогда как Федеральный резерв, поддерживаемый его союзниками — банкирами, решительно выступает против этого близорукого общественного требования. Но как общественность должна добиваться инфляции? Как общественность может создавать, т.е. «печатать» больше денег? Этого довольно трудно добиться, так как легально может это сделать только один институт. Любой, кто попытается печатать деньги, совершит тяжкое преступление («фальшивомонетничество»), которое федеральное правительство считает очень серьезным. В то время как государство может снисходительно относиться к другим правонарушениям и преступлениям, таким, как разбой, грабеж или убийство, и даже, принимая во внимание «трудное детство», может обойтись с таким преступником мягко, существует одна группа преступников, к которым ни одно правительство никогда не было снисходительно: фальшивомонетчики. Фальшивомонетчика обязательно найдут и изолируют на длительный срок, так как он совершает преступление, которое правительство считает очень серьезным: он посягает на доходы государства, а именно на монопольное право печатать деньги, право, которым пользуется исключительно Федеральный резерв.

«Деньги» в нашей экономике - это кусочки бумаги, выпускаемые Федеральным резервом, на которых напечатано следующее: «Эта банкнота является узаконенным платежным средством для всех долгов, частных и государственных». Именно эта «банкнота Федерального резерва», и только она является деньгами. Все торговцы и кредиторы обязаны принимать эти банкноты, хотя они того или нет.

Итак, если хроническая инфляция, характерная для США, как почти и для каждой страны, вызвана эмиссией новых денег, и если в каждой стране ее центральный государственный банк (в США это Федеральный резерв) является единственным монопольным источником и создателем всех денег, то кто тогда виноват в инфляции? Кто, кроме того института, который облечен правом выпускать деньги, т.е. кроме Федерального резерва, или Банка Англии, или Банка Италии, или других центральных банков?

Короче говоря, даже до детального исследования проблемы мы можем увидеть отблеск истины: ураган пропаганды о Федеральном резерве как бастионе против угрозы инфляции, вызываемой другими, есть не что иное, как лукавство.

Единственный виновник инфляции — Федеральный резерв, постоянно занят организацией возмущений против инфляции, в которой виноваты практически все. То, что мы видим, — старая уловка вора, который начинает кричать «Держи вора» и бежит по улице, указывая на других. Мы начинаем понимать, почему для Федерального резерва и других центральных банков всегда было важно окутывать себя аурой важности и таинственности. Потому что, как мы раскроем это подробнее, если общественность узнает, что происходит за занавесом, скрывающим загадочную Волшебника Страны Оз, она вскоре увидит, что Федеральный резерв далек от решения проблемы инфляции и сам является ее основной причиной. То, что нам нужно, - вовсе не совершенно независимый и всемогущий Федеральный резерв. Федеральный резерв сам по себе является совершенно излишним институтом .

Происхождение денег[2]

Невозможно понять, что такое деньги и как они функционируют, и следовательно, как функционирует Федеральный резерв, не рассмотрев логического развития денежной и банковской систем и Федерального резерва. Это необходимо ввиду уникальности денег и исключительной важности данного их свойства. Вы можете объяснить необходимость и спрос на что угодно: хлеб, компьютеры, концерты, самолеты, медицинское обслуживание и т.д., исключительно тем, как эти товары и услуги оцениваются потребителями, потому что товары оцениваются и покупаются ради их самих. Но деньги — доллары, франки, лиры и т.д. приобретаются и принимаются в обмен не из-за стоимости самой бумаги, из которой изготовлена купюра, а потому что каждый знает, что другие примут эти купюры в обмен. И эти ожидания всеобщие, так как банкноты принимали и в недалеком и далеком прошлом. Следовательно, для понимания того, как функционируют деньги сегодня, необходимо провести анализ истории денег.

Деньги никогда не появлялись и не могли появиться вследствие какого-либо случайного общественного договора или акта какого-либо государственного агентства, постановляющего, что все должны принимать выпускаемые им банкноты. Даже принуждение не могло заставить людей и институты принять ничего не значащие банкноты, о которых они не слышали или которые не имели отношения ни к каким другим существовавшим ранее деньгам. Деньги возникают в процессе свободной торговли, так как люди на рынке стремятся облегчить жизненно важный процесс обмена. Рынок — это сеть, решетчатая конструкция, состоящая из множества пар людей или институтов, обменивающих два различных товара. Люди специализируются на производстве различных товаров или услуг и затем обменивают эти товары на согласованных условиях. Джонс производит бочку рыбы и обменивает ее на бушель пшеницы. Обе стороны производят обмен, потому что они надеются получить прибыль; таким образом, свободная торговля состоит из ряда обменных операций, взаимовыгодных в каждый момент этого процесса.

Однако система прямого обмена полезными товарами, или бартер, имеет серьезные ограничения, на которые очень быстро наталкиваются обменивающиеся. Предположим, Смит не любит рыбу, а рыбак Джонс хотел бы купить у него пшеницу. Тогда Джонс пытается найти продукт, скажем, масло, но не для собственного пользования, а для того, чтобы перепродать Смигу. Когда Джонс покупает масло не для себя, а для того, чтобы использовать его как средство или промежуточное звено, он участвует в косвенном обмене. В других случаях товары неделимы, т.е. их нельзя разделить на мелкие части для прямого обмена. Предположим, Роббинс хотел бы продать трактор и потом купить множество других товаров: лошадей, пшеницу, веревки, бочки и т.д. Понятно, он не может разделить трактор на семь или восемь частей и обменять каждую часть на нужный ему товар. Ему придется заняться косвенным обменом, т.е. отдать трактор в обмен на более делимый товар, скажем, 100 фунтов масла, затем разделить масло и обменять каждую часть на тот товар, который ему нужен. И вновь Роббинс использует масло как средство обмена.

Как только какой-либо товар начинает использоваться как средство обмена, этот процесс приобретает спиралевидный характер. Возникает эффект снежного кома. Например, если несколько человек в качестве средства обмена начинают использовать масло, другие люди поймут, что в определенном регионе масло стало более ликвидным, т.е. легче принимается в ходе обменов, и поэтому им потребуется больше масла для использования его в качестве средства обмена. По мере того, как использование товара в качестве посредника в обменах приобретает известность, масштабы применения его в этом качестве расширяются, пока в конце концов все люди не начинают использовать его как средство обмена. Товар, который используется всеми в качестве средства обмена, называется деньгами.

Как только товар начинает использоваться как деньги, рынок быстро расширяется и становится более продуктивным и процветающим. Дело в том, что значительно упрощается система цен. «Цена» — это просто пропорция обмена, соотношение количества двух продаваемых товаров. В каждом обмене количество X одного товара обменивается на количество Y другого. Возьмите, к примеру, описанную выше сделку между Смитом и Джонсом. Предположим, что Джонс обменивает 2 бочки рыбы на 1 бушель зерна Смита. В этом случае «цена» пшеницы, выраженная в количестве рыбы, составляет 2 бочки рыбы за бушель. Соответственно, «цена» рыбы, выраженная в пшенице, составляет половину бушеля за бочку. В бартерной системе определение относительной цены чего-либо становится затруднительным: так, «цена» шляпы может составить 10 плиток шоколада, или 6 батончиков хлеба, или 1/10 телевизора и т.д. Но как только на рынке утвердились деньги, каждый отдельный обмен представляет отношение «деньги - товар» вместо отношения двух товаров. Джонс будет продавать рыбу за денежный товар, а затем будет «продавать» деньги в обмен на пшеницу, обувь, тракторы, развлечения и т.д. И Смит будет продавать свою пшеницу таким же образом. В результате каждая цена будет исчисляться просто в денежной цене, т.е. цене, выраженной в общем денежном товаре.

Предположим, что в результате рыночного процесса деньгами стало масло. В этом случае все цены товаров и услуг рассчитываются в денежных ценах. Шляпа может быть обменена на 15 унций масла, плитка шоколада — на 1,5 унции масла, телевизор — на 150 унций масла и т.д. Если вы хотите узнать, как рыночная цена шляпы соотносится с ценами на другие товары, вы можете не определять каждую относительную цену непосредственно. Все, что вам нужно знать, это то, что денежная цена шляпы составляет 15 унций масла или 1 унцию золота, или любого другого денежного товара, и затем будет легко установить цены различных товаров.

Другой серьезной проблемой в бартерных отношениях является невозможность определить, как работает любая компания. Невозможно с помощью простого подсчета определить, получает ли компания прибыль или несет убытки. Предположим, что у вас есть фирма, и вы пытаетесь подсчитать ваши доходы и расходы за прошедший месяц. Вы записываете доход: «в прошлом месяце мы купили 20 ярдов бечевы, 3 трески, 4 вязанки дров, 3 бушеля пшеницы и т.д.» и «мы заплатили: 5 пустых бочек, 8 фунтов хлопка, 30 кирпичей, 5 фунтов мяса». Как же вы определите, насколько успешно вы ведете бизнес? Как только в экономике

появляются деньги, расчеты становятся простыми: «В прошлом месяце мы заработали 500 унций золота, затратили 450 унций золота. Чистая прибыль составляет 50 унций золота». Развитие общепринятого средства обмена, таким образом, жизненно необходимо для успешного развития любой рыночной экономики.

На протяжении человеческой истории деньги изобретались во всех сообществах людей, включая первобытные племена, и происходило это всегда одним и тем же образом — на рынке. В качестве денег использовались самые разнообразные товары: железные мотыги — в Африке, соль — в Западной Африке, сахар — на островах в Карибском море, шкурки бобра — в Канаде, треска — в колониальной Новой Англии, табак — в колониальных штатах Мэриленд и Вирджиния. Во время Второй мировой войны в немецких лагерях для военнопленных британских солдат постоянный обмен пачками сигарет вскоре привел к их использованию в качестве денег, в которых оценивались все другие товары. Сигареты стали деньгами в этих лагерях не потому, что так установили немецкие или британские офицеры, и не в результате некоего договора — они возникли «органично» из бартерного обмена на спонтанно возникшем лагерном рынке.

Во все времена и для всех обществ победу в конкуренции на роль денег легко одерживали два товара — золото и серебро (если эти металлы были там известны).

Почему золото и серебро? (И в меньшей степени медь там, где не было двух первых.) Потому что золото и серебро превосходили другие металлы по различным «денежным» качествам — качествам, которые должен иметь товар для того, чтобы стать деньгами на рынке. Золото и серебро очень высоко ценились сами по себе за их красоту, их предложение было ограниченным настолько, чтобы их ценность оставалась относительно стабильной, но не настолько, чтобы их нельзя было легко делить в процессе использования (платина входит в последнюю категорию). Они пользовались большим спросом, легко транспортировались, обладали высокой степенью делимости (т.е. могли быть разделены на маленькие кусочки, сохраняющие пропорциональную долю ценности). Их можно было сделать однородными, чтобы одна унция была тождественна другой; они были очень прочными, так что могли сохранять ценность в течение неопределенного времени в будущем. (Сплавы золота с добавкой небольшого количества других металлов в виде золотых монет могли сохраняться тысячи лет.) Сигареты плохо подходят на роль денег за пределами лагеря для военнопленных — производство их не представляет особой сложности, так что в «большом мире» предложение сигарет быстро увеличится и их ценность упадет до нуля. (Другая проблема сигарет как денег — их недолговечность.)

Каждый товар на рынке обменивается в соответствующих количественных единицах: мы торгуем «центнерами» пшеницы, «пачками» по 20 сигарет, «парами» шнурков, одним телевизором и т.д. Эти единицы сводятся к числу, весу или объему. Металлы неизменно продаются и поэтому оцениваются в терминах веса: тонны, фунты, унции и т.д. Таким образом, деньги обычно обмениваются на вес независимо от того, какой язык используется в данном обществе. Все современные денежные единицы произошли из единицы веса золота или серебра. Почему британская денежная единица называется «фунт стерлингов»? Потому что первоначально в Средние века это буквально значило именно то, что это выражение значит: вес фунта серебра. Предшественником «доллара» была серебряная монета весом в 1 унцию, выпускавшаяся графом фон Шликом в Богемии XVI в., в долине св. Иоахима (Joachimsthal). Эти монеты приобрели широкую популярность. Вследствие естественного стремления к упрощению их стали называть не «иоахимсталеры» (Joachimsthaler), а просто «талеры» (Thaler). Позже они стали «долларами»*, под этим названием испанцы чеканили их в Мексике из местного серебра. Когда американцы переходили от британских фунтов к собственной денежной единице, они выбрали доллар, назвав этим словом 1/20 унции золота, или 0,8 унции серебра.

Проблема оптимального количества денег[3]

Общий запас («предложение»), или количество денег, в любом регионе или обществе в любой данный момент времени — просто общая сумма всех унций золота, или денежных единиц в данном обществе или регионе. Экономисты часто задаются вопросом об «оптимальном» количестве денег. Каким должен быть сейчас общий запас денег? Как быстро должен «расти» этот общий запас?

Если мы рассмотрим этот распространенный вопрос внимательно, он покажется нам довольно странным. В конце концов почему-то никто не задает вопрос об «оптимальном предложении» консервированных персиков, или игр «Нинтендо», или женской обуви? На самом деле этот вопрос не имеет смысла. Принципиальным свойством любой экономики является ограниченность ресурсов относительно человеческих потребностей. Если бы товар не был ограниченным, он был бы избыточным, и поэтому как воздух имел бы нулевую рыночную цену. Именно в силу редкости мы можем утверждать, что при прочих равных условиях, чем больше товаров,

тем лучше для всех. Если кто-то откроет новое месторождение меди или изобретет лучший способ производства зерна или стали, то соответствующий рост предложения товаров будет способствовать росту общественного богатства. Чем больше товаров, тем лучше. Так будет до тех пор, пока люди не вернуться в райские кущи Эдема. До этого рост предложения будет означать, что часть естественной редкости преодолена, и уровень жизни в обществе повысился. Вопрос об оптимальном количестве потребительских благ не ставится именно потому, что люди понимают его абсурдность.

Но почему, когда речь идет об оптимальном запасе денег, возникает проблема? Проблема в отношении денег возникает из-за того, что хотя существование денег ведет к неизмеримой общественной пользе, о деньгах в отличие от всех других экономических благ нельзя сказать, что больше — значит лучше. Когда растет предложение любых других благ, мы имеем либо рост потребительских товаров, либо увеличение ресурсов капитала, который может быть использован для производства товаров. Но в чем заключается прямая выгода от увеличения общего предложения денег?

В конце концов деньгами нельзя ни питаться, ни использовать их в производстве. Денежный товар, функционируя как деньги, может использоваться только для обмена, облегчая перемещение товаров или услуг и делая возможными экономические расчеты. Но как только деньги утвердились на рынке, увеличения их запаса не требуется. Дополнительные деньги не выполняют никакой реальной социальной функции. Как известно из общей экономической теории, неизменным результатом увеличения выпуска товаров является снижение их цены. Для всех товаров кроме денег увеличение предложения означает увеличение общественного блага, поскольку показывает, что производство, а с ним и уровень жизни возросли в ответ на рост потребительского спроса. Если стало больше железа, хлеба или домов, и они стали дешевле, чем раньше, жизненный уровень всех повышается. Но увеличение предложения денег не может устранить естественной редкости потребительских или капитальных товаров. Оно приводит лишь к понижению ценности доллара или франка, к снижению его покупательной способности по приобретению других товаров или услуг. Если товар утвердился на рынке в качестве денег, то он полезен исключительно как инструмент обмена или средство вести экономические расчеты. Все, к чему может привести увеличение запаса денег - к их разводнению, ослаблению их эффективности, снижению покупательной способности каждого доллара. Отсюда выводится великая истина теории денег: если предложения товара достаточно для того, чтобы он утвердился в качестве денег, то никакого дальнейшего увеличения количества денег не требуется. Любое количество денег в обществе является «оптимальным». Как только деньги утвердились, увеличение их предложения не имеет никакой общественной пользы.

Значит ли это, что когда золото стало деньгами, вся добыча и производство золота стали напрасны? Нет, потому что большой запас золота позволял расширить неденежное использование золота: увеличилось количество ювелирных изделий, украшений, зубных протезов, и они стали дешевле. Но больше золота в качестве денег экономике не требовалось. Таким образом, деньги уникальны среди товаров и услуг с точки зрения предложения: увеличение их предложения не приносит пользы и не нужно. В действительности, такое увеличение только повредит уникальной ценности денег: быть выдающимся предметом обмена.

Инфляция и фальшивомонетничество

Предположим, что такой ценный металл, как золото, в некотором обществе становится деньгами, и определенный вес золота становится единицей валюты, в которой рассчитываются все цены и активы. Так вот, пока в этом обществе сохраняется чистый золотой «стандарт», предложение денег будет увеличиваться очень медленно — главным образом за счет разработки месторождений золота. Запас золота строго ограничен, а добыча дополнительного золота - занятие дорогостоящее. Исключительно длительный срок годности золота означает, что любой объем годовой добычи будет составлять небольшую часть общего золотого запаса, накопленного на протяжении столетий. Ценность валюты будет оставаться относительно стабильной. В развивающейся экономике [4] увеличение годового производства товаров с лихвой компенсирует постепенное увеличение денежной массы. В результате с каждым годом уровень цен будет постепенно снижаться, а покупательная способность денежной единицы, или унции золота, — увеличиваться. Постепенное снижение уровня цен означает постоянное увеличение покупательной способности доллара или франка, способствуя осуществлению денежных сбережений и инвестиций в будущее производство. Рост производительности и снижение уровня цен означает устойчивое повышение уровня жизни каждого человека в обществе. Обычно стоимость жизни постоянно снижается, тогда как уровень заработной платы остается на прежнем уровне, т.е. «реальный» уровень заработной платы или уровень жизни каждого работающего из

года в год постоянно увеличивается. Мы настолько привыкли к постоянной инфляции цен, что идея ежегодного падения цен воспринимается с трудом. Тем не менее со времени начала промышленной революции в конце XVIII в. и до 1940 г. цены, как правило, из года в год снижались, за исключением периодов больших войн, когда правительства резко увеличивали выпуск денег, вызывая рост цен, после чего они обычно постепенно снижались. Мы должны понять, что падение цен не означало депрессии: благодаря росту производительности снижались издержки, так что прибыли не становились меньше. Если мы посмотрим на разительное снижение цен (в реальном выражении даже более масштабное, чем в денежном) в последние годы в таких особенно быстро развивающихся отраслях, как производство компьютеров, калькуляторов, телевизоров, мы можем увидеть, что падение цен ни в коей мере не должно ассоциироваться с депрессией.

Но давайте представим, что идиллия процветания, здоровых денег и успешных денежных расчетов разрушается с появлением в Эдеме змея — соблазна фальшивомонетничества: с помощью практически не имеющих никакой ценности предметов пытаются одурачить людей, заставив их думать, что это денежный товар. Полезно посмотреть, к чему это приведет. Фальшивомонетничество создает проблему, когда оно имеет «успех», т.е. когда деньги настолько хорошо подделаны, что обман невозможно обнаружить.

Допустим, что Джо Доакс и его славные товарищи придумали способ изготавливать совершенные фальшивые деньги — в условиях действия золотого стандарта латунные или пластмассовые предметы, которые выглядят точной копией золотых монет, или, если говорить о нынешнем стандарте неразменных бумажных денег, — десятидолларовые купюры, которые неотличимы от десятидолларовых купюр Федерального резерва. Что произойдет в этом случае?

Прежде всего совокупное предложение денег в стране увеличится на сумму подделанных денег; не менее важно, что вначале новые деньги появляются в руках самих фальшивомонетчиков. Фальшивомонетничество — это двоякий процесс: во-первых, увеличение совокупного предложения денег, приводящее к повышению цен на товары и услуги и снижению покупательной способности денежной единицы; во-вторых, изменение в распределении доходов и богатства в результате того, что в руках фальшивомонетчиков оказывается непропорционально больше денег.

Первая часть процесса — увеличение совокупного предложения денег явилась центральным вопросом «количественной теории» британских экономистов классической школы от Дэвида Юма до Рикардо и продолжает оставаться центральной проблемой в работах Милтона Фридмена и монетаристов чикагской школы. С целью продемонстрировать инфляционный и непродуктивный эффект бумажных денег, Дэвид Юм в сущности постулировал то, что я предпочитаю называть моделью «архангела Гавриила», согласно которой архангел, вняв мольбам послать больше денег, за одну ночь магически удвоил запас денег каждого человека. (В этом случае архангел Гавриил был бы «фальшивомонетчиком», хотя и в благотворительных целях.) Понятно, что в то время как каждый отдельный человек испытывал бы эйфорию от удвоившегося денежного богатства, общество никоим образом не станет богаче, поскольку не произошло никакого увеличения капитала, производительности или предложения товаров. Так как люди поспешат потратить свои новые деньги, единственным эффектом станет повышение цен приблизительно в 2 раза, а покупательная способность доллара или франка снизится бы вдвое, не доставив никакой общественной пользы. Увеличение количества денег может только ослабить эффективность каждой денежной единицы. Более современная, хотя и столь же магическая версия этой истории — это «эффект вертолета» Милтона Фридмена, где он постулирует, что ежегодный прирост количества денег, обеспечиваемый Федеральным резервом, разбрасывается с волшебных правительственных вертолетов на каждого человека пропорционально уже имеющемуся у него денежному запасу.

Анализ Юма является весьма проницательным и точным, однако он не доходит до эффекта перераспределения. А вот «эффект вертолета» Фридмена серьезно искажает анализ, потому что сформулирован так, что с самого начала исключает эффект перераспределения. Дело в том, что если можно сделать допущение о благих намерениях архангела Гавриила, то к эмиссии фальшивых денег правительством или Федеральным резервом подобные допущения не приложимы. Действительно, ни один фальшивомонетчик на Земле не видел бы смысла в печатании фальшивых денег, если бы новые деньги распределялись пропорционально.

В реальной жизни весь смысл фальшивомонетничества заключается в иницировании определенного процесса — процесса перекачивания новых денег из одного кармана в другой, а вовсе не в волшебном равно пропорциональном увеличении денег в кармане всех людей одновременно. Осуществляется ли фальшивомонетничество путем изготовления латунных или пластмассовых монет, которые похожи на золотые, или путем печатания бумажных денег, которые выглядят как эмитируемые государством, фальшивомонетничество всегда представляет собой процесс, в ходе которого фальшивомонетчик получает

новые деньги первым. Суть этого процесса точно схвачена в карикатуре в старом журнале New Yorker, где группа фальшивомонетчиков наблюдает, как из домашнего печатного станка появляется первая 10-долларовая купюра. Один из них говорит: «Ребята, местная розничная торговля скоро получит допинг?»

Именно так все и происходит. Первыми получают новые деньги фальшивомонетчики и тут же тратят их на покупку различных товаров и услуг. Вторые получатели новых денег — это те розничные торговцы, у которых фальшивомонетчики делают покупки. Постепенно, переключившись из кармана в карман, новые деньги, как круги по воде, расходятся по всей системе. Этот процесс сопровождается перераспределительным эффектом. Получая новые деньги и денежный доход, сначала фальшивомонетчики, за ними торговцы и т.д., предъявляют дополнительный спрос на товары и услуги, что приводит к росту цен на приобретаемые ими товары. Но когда цены на товары начинают повышаться, реагируя на увеличение количества денег, те, кто еще не получил новые деньги, обнаруживают, что цены на покупаемые ими товары поднялись, тогда как цены на товары, которые они продают, не повысились. Короче говоря, первые получатели новых денег в этой рыночной цепочке событий выигрывают за счет тех, кто получит деньги в самом конце, но еще больше не повезет тем, кто вообще никогда не получит эти новые деньги (к примеру, те, кто получает фиксированный доход — ежегодную ренту, проценты или пенсии). Денежная инфляция в этом случае действует как скрытый «налог», с помощью которого первые получатели денег экспроприируют (т.е. наживаются за счет) последних. И, разумеется, больше всего наживаются первые получатели денег — фальшивомонетчики. Скрытый характер этого налога делает его особенно коварным: публика мало разбирается в денежных и банковских процессах и очень легко обвинить в повышении цен, вызванном денежной инфляцией (или «инфляцией цен»), либо алчных капиталистов, спекулянтов, сорящих деньгами потребителей, либо любую другую социальную группу, которую легко оклеветать. Очевидно также, что фальшивомонетчики заинтересованы в том, чтобы отвлечь внимание от их собственной решающей роли путем обвинения в инфляции цен всех и каждого, любые группы и институты.

Процесс инфляции отличается особой вероломностью и разрушительностью, потому что все мы радуемся получению большего количества денег, но при этом жалуемся на последствия увеличения количества денег, а именно на высокие цены. Однако поскольку между увеличением запаса денег и следующим за ним повышением цен неизбежно проходит какое-то время, а публика мало знает о денежной теории, ее очень легко одурачить, возложив вину на плечи тех, кто находится на виду, а не на самих фальшивомонетчиков.

Большой ошибкой всех сторонников количественной теории денег, от британских экономистов классической школы до Милтона Фридмана, было полагать, что деньги не более чем «вуаль», и увеличение количества денег влияет только на уровень цен или на покупательную способность денежной единицы. Напротив, в дополнение к этому количественному, совокупному влиянию увеличение запаса денег также изменяет распределение дохода и богатства. Открытие эффекта перераспределения стало одним из наиболее значительных вкладов в экономическую науку представителей австрийской школы и их предшественников, таких, как ирландско-французский экономист начала XVIII в. Ричард Кантильон. Эффект кругов на воде меняет структуру относительных цен и, соответственно, виды и количество товаров, которые будут произведены, так как предпочтения и способы расходования денег фальшивомонетчиков и других первых получателей новых денег отличаются от того, на что потратили бы деньги (фактически отнятые у них с помощью этого своеобразного «налога») последующие получатели. Более того, изменения в распределении доходов, направлении расходов, структуре относительных цен и производстве будут постоянными и не исчезнут, когда эффект увеличения запаса денег исчерпает себя, как ошибочно утверждают сторонники количественной теории денег.

Вообще, в соответствии с точкой зрения экономистов австрийской школы, фальшивомонетничество будет иметь гораздо более неприятные последствия для экономики, чем просто инфляция уровня цен. Возникнут и другие постоянные отклонения экономики от структуры, которая сформировалась бы в результате действия свободного рынка, т.е. реакции свободной экономики на запросы потребителей и владельцев прав собственности. Это подводит нас к важному аспекту фальшивомонетничества, который нельзя не принимать во внимание. Вдобавок к собственно экономическим искажениям и неблагоприятным последствиям фальшивомонетничество причиняет серьезный вред морали и правам собственности, лежащим в основе любой рыночной экономики.

Рассмотрим общество с рыночной экономикой, в которой деньгами является золото. В таком обществе деньги можно получить только тремя способами: (а) добывая дополнительное золото; (б) продавая товар или услугу в обмен на золото, которым кто-то владеет; (в) получив золото в качестве дара или по завещанию от другого владельца золота. Каждый из этих способов используется в рамках принципа строгой защиты права каждого на его частную собственность. Но, допустим, на сцене появляется фальшивомонетчик. Создавая фальшивые золотые монеты, он имеет возможность получить деньги мошенническим, принудительным

способом; с ними он выходит на рынок, чтобы путем предложения более высоких цен увести ресурсы из-под носа законных владельцев золота. В этом случае он грабит настоящих владельцев золота точно так же и в более крупных размерах, как если бы он взламывал их дома и сейфы. Так, не взламывая никаких замков и запоров и не проникая в частные владения других людей, фальшивомонетчик может тайно похитить плоды их труда, и сделать это за счет всех владельцев денег, особенно за счет последних получателей денег.

Таким образом, фальшивомонетничество имеет инфляционный и перераспределительный эффект, деформирует экономическую систему и равносильно тайному и вероломному ограблению и экспроприации всех законных владельцев собственности в обществе.

Узаконенное фальшивомонетничество

Фальшивомонетчиков обычно проклинают, и есть за что. Одной из причин, по которой золото и серебро удобны для использования их в качестве денег, является то, что они легко опознаются, и их чрезвычайно трудно подделать. «Стрижка монеты» — срезание краев монеты — была успешно прекращена, когда ввели турчение монеты (нанесение вертикальных бороздок на края монеты). Поэтому частная подделка денег никогда не была серьезной проблемой. Но что происходит, когда государство санкционирует и фактически легализует подделку денег, либо занимаясь этим само, либо через другие институты? Тогда фальшивомонетничество, безусловно, становится серьезной экономической и социальной проблемой. Потому что нет никого, кто бы удерживал наших защитников от посягательств на частную собственность .

Истории известны два основных вида легального фальшивомонетничества. Один — это государственные бумажные деньги. В условиях золотого стандарта валютной единицей в обществе стал «1 доллар», определенный как 1/20 унции золота. Изначально монеты чеканились в соответствии с установленным весом золота. Затем, в какой-то момент, впервые в Северо-Американских колониях в 1690 г. центральное правительство, возможно, из-за дефицита золота, решило печатать бумажные купюры, деноминированные по весу золота. Вначале правительство печатало деньги как эквивалентные весу золота: купюра в «10 долларов», или бумажная банкнота, была так названа, потому что она предполагала эквивалентность золотой монете в 10 долл., т.е. монете весом в 1/2 унции золота. Первое время эквивалентность сохранялась, потому что правительство обещало погашать бумажные деньги эквивалентным весом золота по предъявлению купюр в государственное казначейство. 10-долларовую банкноту обещали выкупать за 1/2 унции золота. И на первых порах, если правительство имело мало золота или не имело его вовсе, как это было в Массачусетсе в 1690 г., явное или неявное обязательство состояло в том, что очень скоро, через год или два, купюры будут погашены соответствующим весом золота. И если публика еще доверяет правительству, то вполне возможно, что банкноты могут передаваться из рук в руки как эквивалент золота.

Пока бумажные банкноты воспринимаются на рынках как эквиваленты золота, вновь выпущенные купюры добавляются к общей денежной массе, вызывая перераспределение доходов и богатства в обществе. Предположим, правительству по какой-либо причине срочно нужны деньги. У него в запасе только 2 млн долл. золотом. Правительство же одновременно эмитирует 5 млн долл. бумажными деньгами, и расходует их так, как находит нужным: скажем, на субсидии или займы родственникам высших чинов правительства. Допустим, что общий золотой запас в стране составляет 10 млн долл., из которых 2 млн долл. находится у правительства. Выпуск дополнительных 5 млн долл. бумажными купюрами увеличивает общий запас денег в стране на 50%. Но новые средства распределены непропорционально: новые 5 млн долл. вначале поступают в правительство. Затем родственникам правительственных чиновников, потом тем, кто продает товары и услуги этим родственникам, и т.д.

Если правительство поддается соблазну выпустить большое количество новых денег, то в этом обществе не только вырастут цены, но и «качество» денег будет вызывать сомнение. В этом случае отсутствие погашения золотом может заставить рынок дисконтировать эти деньги в золотом выражении. А если деньги вообще не погашаются, темпы обесценивания будут увеличиваться. Во время Американской революции Континентальный Конгресс выпустил большое количество непогашаемых бумажных долларов, которые вскоре значительно обесценились, а через несколько лет обесценились настолько, что буквально перестали что-либо стоить и вскоре вышли из обращения.

Ссудные операции банков

Государственные бумажные деньги, какой бы вред они ни приносили, являются относительно откровенной формой фальшивомонетничества. Публика способна понять концепцию «печатания долларов» и их расходования, способна понять, почему такой поток долларов может стоить намного меньше, чем золото или не подвергаемые инфляции бумажные деньги с таким же названием, будь то «доллары», «франки» или «марки». Гораздо сложнее понять и гораздо более запутанными являются природа и последствия «банковской деятельности с частичным резервированием» — более утонченную современную форму фальшивомонетничества. Нетрудно понять последствия для общества, затопляемого потоком бумажных денег, но гораздо сложнее представить, к чему приведет расширение неосязаемого банковского кредита.

Одной из сложнейших проблем в анализе банковской деятельности является тот факт, что слово «банк» подразумевает несколько различных и даже противоречивых функций и операций. Неоднозначность понятия «банк» может привести к различным заблуждениям. Банк, например, может рассматриваться как «любой институт, предоставляющий займы». Первыми «ссудными банками» были купцы, которые в естественном процессе торговли удерживали своих покупателей при помощи краткосрочных кредитов, начисляя проценты за ссуду. Первые банкиры были «банкирами-купцами» — они начинали как купцы, но при успешном кредитовании производства, постепенно расширяя ссудную деятельность, как известные семьи Риччи и Медичи в средневековой Италии, становились скорее банкирами, чем купцами. Понятно, что такие ссуды не вызывали инфляционной эмиссии денег. Если Медичи продавали товары за 10 унций золота и позволяли своим покупателям выплачивать эту сумму в течение 6 месяцев, включая проценты, общий запас денег не увеличивался. Клиенты Медичи вместо того, чтобы платить за товары сразу, ждали несколько месяцев, и затем платили золотом или серебром с дополнительными процентами за отсрочку платежа.

Такой вид займов не вызывает инфляции независимо от того, что является стандартными деньгами в обществе — золото или государственные бумажные деньги. Предположим, что я учредил Ссудный банк Ротбарда в современной Америке. Я скопил 10 000 долл. наличными и вложил эти деньги в активы нового банка. Мой баланс, в котором активы представлены в левой части, а собственность или требования на эти активы в правой части (суммы обеих сторон должны быть равны друг другу), выглядит так, как показано на табл. 1.

Таблица 1

Открытие банковской ссуды

Ссудный банк Ротбарда

Активы	Акционерный капитал + Пассивы
Наличные: 10 000 долл.	Принадлежит Ротбарду: 10000 долл.
ИТОГО: 10 000 долл.	ИТОГО: 10 000 долл.

Теперь банк готов приступить к делу; активы наличными в сумме 10000 долл. принадлежат мне самому.

Предположим, что 9000 долл. выдано Джону в виде ссуды под проценты. Баланс будет выглядеть, как показано в табл. 2.

Таблица 2

Банк выдает ссуду

Активы	Акционерный капитал + Пассивы
Наличные: 1 000 долл	Собственность Ротбарда: 10 500 долл.
Дебиторская задолженность Джона: 9 500 долл.	
ИТОГО: 10 500 долл.	ИТОГО: 10 500 долл.

Увеличение активов произошло в результате получения 500 долл. в виде процентов. Важным моментом является то, что денег, будь то золото или другие стандартные виды наличных денег, не стало больше. Наличные, выданные в виде ссуды Джону, — это мои сбережения. Джон потратит их, а затем вернет их мне с процентами в будущем и т.д. Очень важно, что ни одна из этих банковских операций не была мошеннической, вызывающей инфляцию или использующей подделку денег. Это была нормальная, продуктивная, предпринимательская сделка. Если Джон не сможет вернуть мне деньги, это будет нормальной деловой или предпринимательской неудачей.

Если Банк Ротбарда, пользующийся успехом, увеличит количество партнеров или даже станет акционерным, чтобы привлечь дополнительный капитал, бизнес расширится, но характер этого банка, предоставляющего займы, останется таким же, и опять же в его операциях не будет ничего, что связано с инфляцией или мошенничеством.

До сих пор мы рассматривали деятельность ссудного банка, который инвестирует свои собственные активы.

Однако, говоря о «банках», большинство людей имеют в виду учреждения, которые занимают деньги у одних людей и ссужают их другим, оставляя себе разницу в процентах по депозитам и кредитам на основании того, что они имеют опыт в предоставлении займов или направлении капитала в производительный бизнес. Как будет работать такой банк?

Пусть, к примеру, Ссудный банк Ротбарда занимает деньги у населения в виде депозитных сертификатов, погашаемых через 6 месяцев или год. Не будем принимать во внимание процент, выплачиваемый банком по депозитным сертификатам, и предположим, что Банк Ротбарда размещает депозитные сертификаты на сумму в 40 000 долл. и выдает займы на эту же сумму. Мы получаем баланс, показанный в табл.3.

Таблица 3

Ссудный банк занимает деньги

Активы

Наличные: 1 000 долл.

Дебиторская задолженность: 49 500 долл.

ИТОГО: 50 500 долл.

Акционерный капитал + Пассивы

Собственность в депозитных сертификатах: 40 000 долл.

Собственность Ротбарда: 10 500 долл.

ИТОГО: 50 500 долл.

И вновь важным моментом является тот факт, что банк вырос, занял деньги и выдал займы, и при этом не возникла инфляция, не было ни мошенничества, ни фальшивомонетничества. Если бы Банк Ротбарда предоставил неудачный заем и разорился, это было бы нормальной предпринимательской ошибкой. Пока банковская деятельность по предоставлению займов является совершенно законной и продуктивной деятельностью.

Депозитные операции банков

Мы приблизимся к сути проблемы, когда поймем, что исторически существовал совершенно другой тип «банка», который не обязательно имел логическую связь (хотя часто имел практическую) с банковской деятельностью по предоставлению займов. Золотые монеты часто бывают тяжелыми, их трудно носить с собой, всегда существует риск их потерять, либо их могут украсть. Люди начали сдавать монеты, а также золотые и серебряные слитки в различные учреждения на хранение. Такое учреждение можно рассматривать как «денежный склад». Подобно любому другому складу склад выдает вкладчику квитанцию — бумажную складскую расписку, по которой обязуется возвратить хранимый предмет в любое время «по первому требованию», т.е. по предъявлению квитанции. Предъявив квитанцию, ее владелец вносит плату за хранение, а склад возвращает указанную вещь.

Сразу следует заметить, что, говоря о таком виде депозита, было бы странно утверждать, что склад «должен» вкладчику стул или часы, которые тот ему отдал на хранение, что склад является «должником», а вкладчик — «кредитором». Представим, что вы владеете ценным стулом и, собираясь летом на каникулы, отдали его на склад на хранение. Осенью вы приходите за стулом, а кладовщик говорит: «Извините, но за последние месяцы у меня в бизнесе возникли проблемы, и я не могу выплатить долг (стул), который я вам должен». Разве вы, пожав плечами, спишете это как «безнадежный долг» и неразумное деловое решение со стороны кладовщика? Конечно, нет. Вы будете справедливо возмущены, потому что не считаете хранение стула на складе каким-либо кредитом или займом кладовщику. Вы не давали стул в займы, вы продолжаете владеть стулом, стул был и остается вашим, он был помещен на склад под опеку кладовщика. Последний не стал собственником стула, стул был и остается вашим, кладовщик просто принял его на хранение. Если стул отсутствует, когда вы вернулись, вы начнете звать полицию и кричать «держи вора!». Вы и закон рассматриваете кладовщика, который пожимает плечами по поводу отсутствия вашего стула, не как

человека, который совершил неприятную предпринимательскую ошибку, а как преступника, который пытается скрыться с вашим стулом. Точнее, вы и закон назовете кладовщика «растратчиком» [embezzler], который в словаре Вебстера определяется как «тот, кто мошеннически приобретает в свое пользование то, что было ему доверено на хранение или в управление».

Иными словами, помещение ваших товаров на склад (либо в банковский сейф) не является «долговым контрактом»; в законодательстве это определяется как «залоговый» контракт [bailment contract], по которому депозитор (вкладчик) оставляет свою собственность на хранение или доверяет депозитарию (складу). В дальнейшем, если склад пользуется честной репутацией, его квитанции будут использоваться как эквиваленты действительных товаров на складе. Складская квитанция, разумеется, оплачивается любому, кто ее предъявит, и, таким образом, может обмениваться, как если бы это был сам товар. Если я куплю ваш стул, я, возможно, не потребую немедленной доставки стула. Если я знаю, что представляет собой склад Джонса, я приму квитанцию за стул на складе Джонса как эквивалент настоящему стулу. Как документ на участок земли представляет собой титул собственности на саму землю, так и складская квитанция на товар служит титулом собственности на товар, т.е. его заменителем[5].

Предположим, вы вернулись с летних каникул и потребовали ваш стул, а кладовщик отвечает: «Сэр, у меня нет именно вашего стула, но здесь есть точно такой же другой». Вы опять начнете возмущаться и вызовете полицию: «Мне нужен мой стул, черт побери!» Таким образом, в складском бизнесе возможности присвоения чужого товара очень ограничены. Каждый хочет получить именно ту вещь, которую он вам доверил, и вы никогда не знаете, захочет ли он, чтобы вы ее возместили чем-то другим.

Некоторые товары, однако, имеют одну особенность. Они однородны, так что одну единицу товара трудно отличить от другой. Такие товары известны в законодательстве как «заменяемые» [fungible], когда одна единица товара может заменить другую. Типичным примером является зерно. Если кто-нибудь поместит 100 000 бушелей пшеницы 1-го класса на склад зерна (обычно называемый «элеватором»), то при погашении квитанции владельцу нужно будет лишь удостовериться, что он получает обратно 100 000 бушелей пшеницы того же класса. Ему все равно, являются ли они теми же самыми бушелями, которые он сдал на элеватор.

К сожалению, безразличное отношение к возвращению конкретного товара дает возможность всяческих злоупотреблений со стороны владельца склада. Он может рассуждать следующим образом: «Пока пшеница будет в конце концов востребована и отгружена на мельницу, на моем складе все время находится определенное количество невостребованной пшеницы. Поэтому у меня есть остаток, которым я могу выгодно распорядиться». Вместо того, чтобы выполнять свои обязательства и залоговый контракт, сохраняя все зерно в хранилище, у него появляется соблазн попытаться присвоить некоторое количество зерна. Вряд ли он станет вывозить или продавать зерно, которое у него хранится. Более вероятной и более изощренной формой обмана со стороны владельца элеватора является выписка подложных складских расписок, скажем, на зерно 1-го класса, чтобы затем ссудить эти складские расписки спекулянтам для игры на Чикагской товарной бирже. Реальное зерно на его элеваторе останется нетронутым, но он выписал подложные складские расписки, которые ничем не обеспечены, но которые выглядят как настоящие.

Честный складской бизнес, когда каждой складской расписке соответствует товар на складе, можно называть «100%-ным хранением», где каждая квитанция обеспечена товаром, на который предполагается выписка квитанции. А если владелец склада выписывает фальшивые квитанции и зерно, хранящееся на складе, — это только часть (менее 100%) выписанных расписок или квитанций, тогда можно сказать, что он занимается «складским бизнесом с частичным хранением». Следует понимать, что «складской бизнес с частичным хранением» — это только эвфемизм для обозначения мошенничества и хищения.

В конце XIX в. великий английский экономист Уильям Стенли Джевонс предупреждал об опасности «ордерных депозитных расписок» [general deposit warrant], позволяющих складу возвращать депозитору любой экземпляр однородного товара, в отличие от «целевой депозитной расписки» [specific deposit warrant], когда складом должны быть возвращены конкретный стул или часы. При использовании ордерных расписок «становится возможным осуществлять фиктивную поставку товаров, т.е. заставить людей верить, что существует предложение, которого на самом деле нет». С другой стороны, природа индивидуализированных депозитных расписок, таких, как коносаменты, ломбардные расписки, доковые варранты или сертификаты, устанавливающих собственность на определенный предмет, не позволяет выписывать такие документы «на большее количество товаров, чем имеется на складе, если только не совершать подлог»[6].

В истории рынков зерна США элеваторы несколько раз становились жертвами таких попыток, провоцируемых отсутствием ясности в законах о залогах. В 1860-х годах зернохранилища выписывали фальшивые складские расписки на зерно, ссужали их спекулянтам на Чикагском рынке пшеницы и вызывали

изменения в ценах на пшеницу и случаи банкротства на рынке. Только ужесточение законов о залогах, в которых говорилось, что каждая выдача поддельной складской расписки считается незаконной и подложной, наконец, положили конец этой недопустимой практике. К сожалению, такого же усовершенствования законов не произошло в жизненно важной сфере денежных складов — банковском депонировании.

Если зерновой складской бизнес с «частичным резервированием», т.е. выдача складских расписок на несуществующий товар, представляет собой очевидное мошенничество, то точно таким же мошенничеством является складской бизнес с частичным резервированием в отношении еще более заменимого товара, чем зерно, а именно денег (будь то золото или государственные бумажные деньги). Любая денежная единица — точно такой же товар, как и все остальные виды товаров, и прежде всего именно за его однородность, делимость и узнаваемость рынок выбрал в качестве денег золото. В отличие от зерна, которое в конце концов будет использовано для изготовления муки и вывезено с элеватора, деньги, поскольку они используются только в целях обмена, вообще не должны вывозиться со склада. Золото или серебро может быть изъято для использования не в качестве денег, а для изготовления ювелирных изделий, но бумажные деньги функционируют только как деньги, и поэтому не существует убедительных причин заставить склад когда-нибудь выкупить свои расписки. Вначале, конечно, денежные склады (называемые также «депозитными банками») должны приобрести честную и надежную рыночную репутацию, своевременно погашая свои расписки. Но как только доверие достигнуто, соблазн для владельца денежного склада совершить подлог, хищение может стать непреодолимым.

В этот момент депозитный банкир может подумать: «На протяжении десятков лет этот банк завоевывал себе честное имя тем, что исправно погашал свои расписки. Сейчас требуется оплачивать лишь небольшое количество расписок. На рынке люди обычно принимают оплату деньгами, но многие обменивают эти складские расписки на деньги, как если бы они сами были деньгами (золотом или государственными бумажными деньгами). Они и не думают погашать эти расписки. Раз мои клиенты такие простаки, я могу повернуть несколько операций, прибыльнее которых и не придумаешь».

Банкир может заняться двумя видами мошенничества и хищений. Он может, например, просто взять золото или наличные из сейфа и проживать их, покупая себе особняки и яхты. Однако это может быть опасно: если этот факт обнаружится, и люди потребуют свои деньги, явно мошеннический характер этого поступка будет очевиден. Вместо этого есть гораздо более изощренный и менее очевидный способ: выписать не отличающиеся от настоящих складские расписки на деньги, которые ничем не подкреплены, и ссудить их заемщикам. Короче говоря, банкир подделывает складские расписки на деньги и ссужает их. Таким образом, пока подделка не обнаружена и не востребована к оплате реальными деньгами, новые поддельные расписки будут подобно настоящим обращаться на рынке как деньги. Функционируя в качестве денег или как заменитель денег, они увеличат запас денег в обществе, вызовут рост цен и приведут к перераспределению богатства и доходов от последних получателей новых «денег» к первым. Поскольку банкир имеет большой простор для мошенничества, чем владелец зернохранилища, понятно, что последствия его подделок будут более разрушительными. Пострадает не только рынок зерна, но и все общество и вся экономика. Как и в случае с подделкой монет, все владельцы собственности, все владельцы денег будут экспроприированы и станут жертвами фальшивомонетчиков, которые путем мошенничества получают возможность перехватить ресурсы у настоящих производителей. В случае банковских денег, как мы увидим в дальнейшем, результатом такого мошенничества со стороны банкиров будут не только ценовая инфляция и перераспределение денег и дохода, но и разрушительные циклы экономических бумов и кризисов, вызванные расширением и сокращением фальшивых банковских кредитов.

Проблемы банка с частичным резервированием: уголовное право

Депозитный банк не может с самого начала заниматься мошенническим «частичным резервированием» и вызывать инфляцию. Я не могу создать Банк Ротбарда и просто начать выпускать фальшивые складские расписки. Кто бы стал их принимать? Прежде всего мне нужно в течение нескольких лет создавать себе доброе имя, ведя банковскую деятельность со 100%-ным резервированием; занятие мошенничеством неизбежно паразитирует на заработанной до этого репутации честного и неподкупного банкира.

Если банкир однажды решает начать преступную деятельность, кое о чем он должен позаботиться заранее. Во-первых, его должно беспокоить то, что если его разоблачат, он может угодить в тюрьму и ему придется выплатить огромный штраф за мошенничество. Ему необходимо нанять юрисконсультов, экономистов и финансистов, чтобы убедить суд и публику в том, что частичное резервирование является не

мошенничеством и хищением, а законной предпринимательской практикой и добровольными контрактами. И поэтому, если кто-нибудь предъявит расписку, которая должна быть погашена золотом или наличными по предъявлению, а банкир не может ее оплатить, то это всего лишь неприятная предпринимательская ошибка, а не вскрытое преступление. Чтобы оправдаться с помощью таких аргументов, он должен убедить власти, что его депозитные обязательства являются не залогом, как на складе, а просто долгом под честное слово. Если люди поверят в это надувательство, тогда у банкира соблазн воспользоваться значительно расширившимися возможностями для осуществления хищений на основе частичного резервирования только усиливается. Понятно, что если банкир депозитного банка или владелец денежного хранилища рассматривается как обычный владелец склада или хранитель залога, деньги, помещенные на хранение, не могут включаться в раздел «Активы» в его балансе. Эти деньги никоим образом не могут составлять часть его активов, и поэтому они никак не могут являться «долгом», который должен быть выплачен депозитору, и соответственно входить в раздел «Пассивы» баланса банка; складываясь ради хранения, они не являются займом или долгом и поэтому вообще не входят в его баланс.

К сожалению, из-за неразвитости залогового права в XIX в. совету банкиров удалось склонить мнение судей в свою пользу. Моментом истины стали судебные решения, принятые в Британии в первой половине XIX в., на которые стали ссылаться американские суды. В первом важном деле Карр против Карра (Carr v. Carr) в 1811 г. британский судья сэр Уильям Грант постановил, что так как деньги, внесенные на банковский депозит, были обычными деньгами, никак не были помечены и не находились в запечатанном мешке (как это делается с «целевыми депозитами»), то сделка представляла собой скорее заем, чем залог. Пять лет спустя в следующем важном деле Девайнес против Нобла (Devaynes v. Noble) один из адвокатов справедливо утверждал, что «банкир является скорее хранителем денег своего клиента, чем его должником... потому что деньги... в его руках представляют собой скорее вклад [deposit], чем долг [debt], и поэтому могут быть немедленно востребованы и изъяты». Но тот же судья Грант вновь настоял, что «деньги, внесенные банкиру, сразу же становятся частью его общих активов, и он просто должен эту сумму». В последнем кульминационном деле Фоли против Хилла и других (Foley v. Hill and others), рассматриваемом Палатой лордов в 1848 г., лорд Коттенхем, повторяя аргументацию предшествующих дел, высказался ясно, хотя и необычно:

«Деньги, доверенные опеке банкира, по существу [to all intents and purposes] являются деньгами банкира, который вправе распоряжаться ими так, как ему угодно; используя их, он не является виновным в нарушении обязанностей доверительного собственника; он не отвечает перед доверителем, если он вкладывает их в рискованное предприятие, он не обязан хранить их или обращаться с ними как с собственностью своего доверителя, но он, безусловно, отвечает за их сумму, так как он заключил договор»[7].

Аргумент лорда Коттенхема и всех других сторонников банковской деятельности с частичным резервированием, состоящий в том, что банкир заключает договор только об общей сумме денег, а не о том, чтобы держать деньги наготове, игнорирует тот факт, что если бы все вкладчики узнали о том, что происходит, и предъявили свои требования одновременно, банкир возможно не смог бы выполнить свои обязательства. Другими словами, выполнение контрактов и поддержание функционирования системы банковской деятельности на основе частичного резервирования требует дымовой завесы, заставляющей депозиторов ошибочно полагать, что «их» деньги находятся в полной сохранности и будут выплачены по первому требованию. Поэтому вся система банковской деятельности с частичным резервированием построена на обмане, которому попустительствует законодательная система.

Ключевой вопрос, который необходимо задать, состоит в следующем: почему законодательство о хранении зерна на складе, где условия — хранение заменимых товаров — в точности такие же, и зерно — это обычный вклад, специально никак не помеченный, развивалось в прямо противоположном направлении. Почему суды в итоге признали, что вклады [deposits] даже заменимого товара в случае с зерном являются залогом, а не долгом? Может, банкиры лоббировали эти вопросы более успешно, чем производители зерна?

Безусловно, американские суды, придерживаясь доктрины долга, а не залога, приняли странные, непоследовательные решения, которые свидетельствуют о их растерянности и перестраховке в этом критически важном вопросе. Так, авторитетный журналист по вопросам права Мичи утверждает, что по американскому законодательству «банковский депозит — это больше, чем обычный долг, и отношение вкладчика к банку не тождественно отношению обычного кредитора». Мичи цитирует дело Народный банк против Леграна (People's Bank v. Legrand), слушавшееся в штате Пенсильвания, в котором утверждается, что «банковский депозит отличается от обычного долга тем, что по своей природе он является предметом постоянной проверки со стороны вкладчика и всегда выплачивается по первому требованию». Несмотря на положение закона, следующего заветам лорда Коттенхема, о том, что банк «становится абсолютным владельцем размещенных в нем денег», все же банк «не может спекулировать деньгами его вкладчиков»[8].

Почему нельзя относиться к банкам так же, как к зернохранилищам? Мнение о том, что ответ является результатом скорее политических соображений, чем юридических или основанных на праве собственности, принадлежит выдающемуся историку права Артуру Нус-бауму, предположившему, что принятие «противоположной точки зрения» (о том, что банковский вклад является залогом, а не долгом) «возложило бы непомерное бремя на банковский бизнес». Несомненно, исчезли бы доходы банка от выпуска мошеннических складских расписок, как исчезает прибыль от всякого иного мошенничества, когда оно вскрывается. Однако несмотря ни на что элеваторы и другие склады продолжают с успехом работать, почему же нет подлинно безопасного места для денег?[9]

Чтобы прояснить природу банковской деятельности с частичным резервированием, давайте отвлечемся на минуту от банков, которые выписывают фальшивые расписки на наличные деньги. Допустим, что депозитные банки печатают доллары, которые выглядят как настоящие и снабжены подделанными подписями Министерства финансов США. Пусть банки печатают банкноты и ссужают их под проценты. Если бы их обвинили в фальшивомонетничестве и подлоге, почему бы этим банкам ни ответить следующее: «В наших сейфах имеется резерв настоящих наличных денег в размере, скажем, 10%. Пока люди доверяют нам и согласны принимать эти банкноты как эквивалент настоящих денег, что в этом плохого? Мы только занимаемся сделками на рынке, ни больше, ни меньше, чем любой другой банк с частичным резервированием». И действительно, что неправильного в этом заявлении, которое подойдет к любому случаю в банковской деятельности с частичным резервированием?[10]

Проблемы банка с частичным резервированием: неплатежеспособность

Этот неудачный разворот правовой системы означает, что банкир, ведущий свою деятельность на основе частичного резервирования, даже если он нарушит контракт, не может рассматриваться как преступник. Но банкир все еще сталкивается, хотя и с меньшей, но все же неприятной угрозой: неплатежеспособностью. Существуют два основных источника неплатежеспособности такого банкира.

Первый и наиболее разрушительный, поскольку может проявиться в любой момент, состоит в том, что клиенты банка, которые держат у себя складские расписки или получают их в качестве оплаты, теряют доверие к платежеспособности банка и в массовом порядке решают получить по своим распискам наличные. Утрата доверия, если она распространится на большое количество вкладчиков банка, будет иметь разрушительные последствия, она всегда фатальна. Она фатальна, поскольку в силу самого характера банковской деятельности с частичным резервированием банк не может выполнить все заключенные контракты. В этом состоит основная причина неприятного процесса, известного как «набег на банк», когда большинство вкладчиков охватывает страх, они чувствуют тревогу и требуют свои деньги. «Набег на банк», мысль о котором бросает в дрожь любого банкира, по своей сути является «народным» восстанием, посредством которого одураченная публика, вкладчики отстаивают право на свои собственные деньги. Этот процесс своей мощью способен раздавить любой банк. Представьте, что внушающий доверие и владеющий даром убеждения оратор завтра выступит по телевидению, чтобы предупредить американскую общественность: «Народ Америки! Банковская система нашей страны неплатежеспособна. В сейфах банков нет "ваших денег". Там находится только 10% ваших денег. Народ Америки! Заберите свои деньги сейчас, пока не стало слишком поздно!» Если люди последуют этому совету в массовом порядке, то американская банковская система завтра же будет разрушена[11].

«Клиентов» банка можно разбить на несколько групп. В первую входят те, кто вносит в банк наличные деньги (либо в золоте, либо государственными бумажными деньгами). Во вторую входят те, кто получает кредиты фальшивыми складскими расписками. Но есть и третья, самая многочисленная группа. Это те, кто принимает расписки банка в ходе обмена и, таким образом, становится клиентом этого банка.

Давайте рассмотрим, как работает метод частичного резервирования. Из-за неопределенности закона вклад наличных денег в банк рассматривается как кредит, а не как залог, и в пассивах баланса банка появляются займы. Допустим, я учредил Депозитный банк Ротбарда, и поначалу банк строго придерживается политики 100%-ного резервирования. Предположим, что банк принял депозиты на 20 000 долл. Тогда, отвлекаясь от моего капитала и других активов банка, его баланс будет выглядеть как в табл. 4.

Таблица 4

Банк, проводящий политику 100%-ного резервирования

образом? Что их останавливает?

Ответ — страх неплатежеспособности. Как мы уже отмечали, самым разрушительным путем к неплатежеспособности является «набег на банк». Предположим, что банки обезумели: Банк Ротбарда выпустил поддельных складских расписок на миллионы долларов, а банковская система в целом — на сотни миллионов. Чем больше банки выпускают расписок, превышающих количество наличных в своих сейфах, тем больше расхождение и тем больше вероятность внезапной утраты доверия к банкам, которая вначале возникает среди небольшой группы людей или в одном регионе, а затем по мере увеличения количества таких расписок распространится как пожар по всей стране. И тем больше вероятность, что кто-нибудь выступит по телевидению и предупредит публику о грозящей опасности. Если только начнется «набег на банки», ничто в рыночной экономике не сможет остановить полного разрушения шаткого здания банковской системы, основанной на частичном резервировании.

Кроме «набега на банки», существует и другой мощный сдерживающий фактор расширения банковских кредитов в условиях частичного резервирования — ограничение, накладываемое на экспансию каждого конкретного банка. Допустим, какой-либо банк произвел особенно масштабный выпуск псевдоскладских расписок. Допустим, что Депозитный банк Ротбарда, до этого сохранявший верность 100%-ному резервированию, решил побыстрее сорвать большой куш: имея в резерве наличными 20 000 долл., обеспечивавшие выпущенные расписки на те же 20 000 долл., банк решает напечатать необеспеченные складские расписки на 1 000 000 долл., ссужая их под проценты различным заемщикам. Тогда баланс Банка Ротбарда будет выглядеть как в табл. 6.

Таблица 6

Гиперэкспансия банка

Депозитный банк Ротбарда

Активы

Наличные: 20 000 долл.

Дебиторская задолженность: 1 000 000 долл.

Итого: 1 020 000 долл.

Акционерный капитал + Пассивы

Складские квитанции на наличные: 1 020 000 долл.

Итого: 1 020 000 долл.

Некоторое время все идет замечательно и банк получает высокую прибыль, но в этой бочке меда есть ложка дегтя. Предположим, что Банк Ротбарда выписывает и ссужает поддельные расписки на сумму 1000000 долл. одной фирме, скажем, Строительной компании Эйса. Последняя, разумеется, не собирается занимать деньги, платить проценты и не использовать эти деньги. Она быстро расплачивается этими расписками за различные товары и услуги. Если все люди или фирмы, которые получили эти расписки, являются клиентами Банка Ротбарда, тогда все хорошо, квитанции просто переходят от одного клиента к другому и обратно. Но, предположим, что квитанции получают люди, которые вообще не пользуются услугами банков.

Предположим, что Строительная компания Эйса выплачивает 1млн.долл. Цементной компании Кертиса, которая по какой-либо причине не пользуется услугами банков. Она предъявляет расписки на 1млн.долл. Банку Ротбарда и требует их погашения. Что произойдет? Ведь Банк Ротбарда располагает всего 20 000 долл. Он сразу же становится неплатежеспособным и разоряется.

Более вероятно, однако, что Цементная компания Кертиса пользуется услугами какого-нибудь банка, но не Банка Ротбарда. В этом случае Цементная компания Кертиса предъявляет расписки на 1млн.долл. своему собственному банку — Всемирному банку, а Всемирный банк предъявляет расписки на 1млн.долл. Банку Ротбарда и требует выдать наличные. Банк Ротбарда, разумеется, денег не имеет и опять-таки разоряется.

Обратите внимание, что отдельному банку для того, чтобы выпустить избыточное количество складских расписок и разориться, не требуется подвергаться «набегу вкладчиков». Не требуется даже, чтобы человек, получивший расписки, вообще не пользовался услугами банков. Последнему достаточно лишь предъявить расписку другому банку, чтобы создать непреодолимые проблемы для Банка Ротбарда.

Для любого банка верно, что чем больше он выпишет поддельных квитанций, тем в большей опасности окажется. Но гораздо важнее количество банков-конкурентов и количество клиентов по отношению к клиентам конкурирующих банкам. Так, если Банк Ротбарда является единственным банком в стране, то конкуренция не налагает никаких ограничений на его экспансию. Единственным ограничением становится «набег на банк» или всеобщее нежелание вообще пользоваться деньгами банка.

С другой стороны, давайте рассмотрим противоположную крайность: каждый банк имеет только одного клиента, и поэтому в стране миллионы банков. В этом случае любая экспансия не обеспеченных складских расписок будет невозможна, какой бы незначительной она ни была. Потому что даже небольшая экспансия Банка Ротбарда, превышающая его наличные в сейфах, очень быстро приведет к требованию другого банка погасить расписки. Это окажется невозможным и банк станет неплатежеспособным.

Однако существует один способ преодолеть ограничения, накладываемые требованиями о выкупе со стороны конкурирующих банков: картельное соглашение банков принимать расписки друг друга и не требовать от банков — участников картеля выплат наличными. Несмотря на то, что существует множество причин, побуждающих банки образовывать такие картели, на этом пути их подстерегает множество трудностей, которые увеличиваются с расширением числа участников картеля. Так, если в стране существует только три или четыре банка, такое соглашение будет относительно простым. Главная проблема, связанная с экспансией банков, — гарантировать, что все банки расширяются относительно равномерно. Если в стране существует большое число банков, и банки А и В расширяются очень интенсивно, тогда как другие банки увеличивают количество своих расписок на рынке незначительно, то в сейфах других банков очень быстро будут накапливаться требования на банки А и В. У остальных банков появится соблазн разорить эти два банка, чтобы не дать им сорвать большой куш и скрыться. Чем меньше число конкурирующих банков, тем легче будет координировать масштабы экспансии. С другой стороны, если существуют тысячи банков, координация становится очень трудным делом, и картель, вероятнее всего, развалится[12].

Бумы и кризисы

Мы обратили внимание на то, что увеличение банковского кредита в банковской системе с частичным резервированием (или «выпуск поддельных складских расписок») ведет к инфляции, снижению покупательной способности денежной единицы и перераспределению доходов и благосостояния. За эйфорией, вызванной вливанием новых денег в экономику, следует недовольство, когда начинается инфляция и часть людей процветает, в то время как другие теряют свои доходы. Но инфляционный бум — не единственное последствие фальшивомонетничества, основанного на частичном резервировании. В определенный момент неизбежно возникает реакция. Может начаться «набег на банки», постепенно охватывающий всю систему, либо банки в страхе перед наплывом клиентов, требующих назад свои деньги, могут сократить выдачу новых кредитов, потребовать досрочного возврата выданных кредитов, не рефинансировать ранее выданные кредиты новыми или начать продавать имеющиеся у них ценные бумаги в целях поддержания собственной платёжеспособности. Это внезапное сжатие вызовет резкое сокращение количества обращающихся на рынке складских расписок, или денег. Таким образом, как только система частичного резервирования обнаружена или опасается, что может быть обнаружена, следует резкое сжатие кредита, приводящее к финансовому кризису и спаду. Мы не можем в рамках этой книги произвести полный анализ экономического цикла, но понятно, что процесс создания кредита банками обычно вызывает разрушительные циклы бумов и кризисов [13].

Виды складских расписок

В течение столетий были созданы два вида складских расписок для депозитных банков. Один из них представляет собой обычную квитанцию, знакомую каждому, кто когда-либо пользовался услугами складов: это бумажный документ, по которому склад по первому требованию обязуется выдать товар, указанный в квитанции, например, «Банк Ротбарда выплатит обладателю этой квитанции по первому требованию» 10 долл. золотыми монетами или бумажными деньгами Министерства финансов, или каким-либо другим образом. Расписка, выдаваемая депозитными банками, называется банкнотой или банковским билетом. Исторически сложилось, что банкнота стала преобладающей формой складской расписки.

В банках Италии в эпоху Возрождения возникла другая форма складской расписки. Если купец был богат и хорошо известен, то и для него, и для банка было удобнее, чтобы расписка была невидимой, т.е. оставалась «открытым счетом» в бухгалтерских книгах банка. Выплачивая крупную сумму другому купцу, ему не нужно было тратить силы на перевод настоящих банкнот: чтобы снять какую-то сумму со своего счета и перевести на счет контрагента он выписывал своему банку приказ на перевод. Так, сеньор Медичи мог отдать приказ

Банку Ричи перевести 100 000 лир со своего открытого счета в другой банк на счет сеньора Барди. Такой приказ о переводе получил название «чек», а открытый депозитный счет в бухгалтерской книге банка стал называться «депозитом до востребования» или «чековым счетом». Обратите внимание на форму современного приказа на перевод, известного как чек: «Я, Мюррей Ротбард, даю распоряжение Банку Америки заплатить на счет Сервис Мерчапдаиз 100 долл.».

Следует заметить, что банкнота и текущий депозит до востребования эквивалентны с экономической и юридической точки зрения. И то, и другое представляет собой разновидность складской расписки и в совокупной денежной массе занимает место суррогата, или заменителя наличных денег. Однако сам чек — не эквивалент банкноты, хотя оба являются бумажными квитанциями. Сама банкнота — это складская расписка, и поэтому представляет собой суррогат, или заменитель наличных денег и часть денежной массы общества. Чек сам по себе — это не складская расписка, а приказ перевести расписку, представляющую собой нематериальный открытый счет в бухгалтерских книгах банка.

Для банка безразлично, предпочитает ли владелец расписок хранить их в форме банкнот или депозита до востребования или превращает из одной формы в другую. Это не оказывает никакого влияния и на совокупную денежную массу, независимо от того, придерживается банк политики 100%-иого или частичного резервирования.

Хотя банкнота и депозит до востребования эквивалентны с экономической точки зрения, они не будут одинаково охотно приниматься на рынке. Дело в том, что если купец или другой банк, чтобы принять банкноту или чек другого банка, всегда должен доверять только этому банку, то получатель чека должен доверять не только банку, но и человеку, который выписывает чек. Вообще, в рыночной экономике банку гораздо проще создать репутацию и завоевать доверие, чем отдельному вкладчику. Поэтому там, где банки были относительно свободны и не контролировались правительством, чековые счета имелись в основном у ограниченного круга преуспевающих купцов и промышленников, обладавших надежной репутацией. Во времена нерегулируемой банковской деятельности чековые счета имели Медичи или Рокфеллеры и им подобные, а не люди среднего достатка. При возвращении к относительной свободе банковской деятельности вряд ли текущие счета будут занимать доминирующее положение в экономике.

Однако для преуспевающих бизнесменов чековые счета могут быть весьма полезны. У чеков нет фиксированного номинала, и любую сколь угодно крупную сумму можно выписать одним чеком. Кроме того, в отличие от потери или кражи банкнот пропажа незаполненной чековой книжки не повлечет действительного уменьшения активов ее владельца.

На сцену выходит центральный банк

Первый центральный банк — Банк Англии — был создан в 1694 г. В течение последующих двух столетий другие крупные страны одна за другой использовали этот институт как образец. Роль центрального банка в ее современном виде была определена английским законом Пия 1844 г. Соединенные Штаты Америки стали последней крупной страной, которая воспользовалась сомнительными благами института центральных банков, создав в 1913 г. Федеральную резервную систему.

Первоначально центральные банки находились в частной собственности; до тех пор, пока они не были в большинстве своем национализированы во второй половине XX в. Но они всегда находились в сговоре с государством. Центральный банк всегда выполнял две основные функции: (1) помогал финансировать дефицит государственного бюджета; и (2) объединял в картель частные коммерческие банки страны, с целью устранения двух самых мощных рыночных ограничителей кредитной экспансии (т.е. склонности к фальшивомонетничеству): возможной утраты доверия, ведущей к «набегу на банк», и угрозы потери резервов в тех случаях, когда кредитную экспансию проводит один банк. Картелю, даже если он выгоден всем его участникам, очень трудно выжить на рынке без поддержки государства. В области банковской деятельности с частичным резервированием центральный банк может содействовать созданию картеля, устранив или облегчив два главных ограничения свободного рынка на инфляционную кредитную экспансию со стороны банков.

Знаменательно, что Банк Англии был создан, чтобы помочь английскому правительству финансировать крупный дефицит. Правительства всегда и везде отчаянно нуждаются в деньгах, причем в гораздо большей степени, чем отдельные люди или фирмы. Причина проста: в отличие от частных лиц или фирм, которые

получают деньги, продавая необходимые товары и услуги другим, правительства ничего ценного не производят и поэтому им нечего продавать[14]. Правительства могут получить деньги, отобрав их у других, и поэтому они всегда ищут новые и оригинальные способы изъятия денег. Стандартный способ — обложение налогом; но по крайней мере до XX в. люди были весьма недовольны налогами, и любое повышение налогов или введение новых налогов было чревато революциями.

После изобретения печатного дела вопрос о том, когда правительства начнут заниматься «фальшивомонетничеством» путем эмиссии бумажных денег вместо золота и серебра, стал лишь делом времени. Первоначально бумажные деньги погашались или считалось, что должны погашаться, этими металлами, но в конце концов их связь с золотом была разорвана[15], и денежные единицы — доллар, марка, фунт и т.д. стали просто названием автономных купюр или банкнот, эмитируемых государством, а не единицами веса золота или серебра. В западном мире первые государственные деньги были эмитированы Британской колонией Массачусетс в 1690 г.[16]

1690-е годы были особенно трудным временем для английского правительства. Страна только прошла через четыре десятилетия революции и гражданской войны, причиной которых в значительной мере стали высокие налоги, и новое правительство вряд ли считало свое положение достаточно устойчивым, чтобы и дальше проводить политику высоких налогов. Однако правительство имело обширные планы по завоеванию новых земель, прежде всего принадлежащих могущественной Французской империи, — подвиг, который потребовал бы огромного увеличения расходов. Казалось бы, кривая дорожка дефицитного финансирования закрыта для англичан, так как правительство только недавно подорвало свой кредит, отказавшись оплатить более половины своего долга, тем самым приведя к банкротству большое количество капиталистов в королевстве, доверивших свои сбережения правительству. Кто после этого даст в долг английскому государству?

В этот сложный момент к парламенту обратился синдикат во главе с шотландским предпринимателем Вильямом Патерсоном. Синдикат собирался учредить Банк Англии, который выпускал бы достаточно банкнот, погашаемых золотом или серебром, чтобы финансировать дефицит государственного бюджета. Нет необходимости полагаться на добровольные сбережения, когда можно открыть денежный кран! Взамен правительство должно было держать все свои вклады в новом банке. Открывшись в июле 1694 г., Банк Англии быстро выпустил огромную сумму в 760 000 ф. ст., большая часть которой была потрачена на выкуп государственного долга. Менее чем через два года обращающиеся на рынке банкноты банка на сумму в 765 000 ф. ст. были обеспечены только 36 000 ф. ст. наличными. Наплыв вкладчиков, требующих металлических денег, разорил банк, заставив прекратить операции. Но английское правительство впервые поспешно разрешило Банку Англии «временно приостановить выплаты звонкой монетой», т.е. отказывать в погашении банкнот металлическими деньгами, в то же время сохраняя за ним право принуждать собственных должников полностью расплачиваться с банком. Выплаты звонкой монетой возобновились спустя два года, но с этого времени всякий раз, когда Банк Англии сталкивался с финансовыми затруднениями, правительство позволяло ему приостанавливать выплату металлических денег и тем не менее продолжать работать.

Первая приостановка выплат случилась в 1696 г., а уже в следующем году Банк Англии убедил парламент запретить создание новых корпоративных банков в стране. Иными словами, никакой другой акционерный банк не мог конкурировать с этим банком. Более того, подделка банкнот Банка Англии теперь каралась смертной казнью. Спустя десятилетие правительство предложило предоставить Банку Англии монополию на выпуск банкнот и с 1708 г. выпуск бумажных денег любой корпорацией, кроме Банка Англии, стал считаться незаконным, а также была запрещена эмиссия банкнот банковским товариществам, объединяющим более 6 человек.

Современная форма центрального банка была определена законом Пиля от 1844 г. Банку Англии была гарантирована абсолютная монополия на выпуск всех банкнот в стране. Эти банкноты в свою очередь погашались золотом. Частным коммерческим банкам разрешалось эмитировать только депозиты до востребования. Это означало, что для того чтобы получить наличные, требуемые населением, банки должны были иметь чековые счета в Банке Англии. В действительности банковские депозиты до востребования оплачивались банкнотами Банка Англии, которые в свою очередь погашались золотом. Банковская система представляла собой поставленные друг на друга две перевернутые пирамиды. В самом низу находился Банк Англии, на основе частичного резервирования умножающий фальшивые складские расписки на золото — свои банкноты и депозиты — сверх своего золотого резерва. В свою очередь во второй перевернутой пирамиде, возвышающейся над Банком Англии, частные коммерческие банки расширяли эмиссию депозитов сверх своих депозитных счетов в Банке Англии. Понятно, что когда Британия выходила из золотого стандарта (в первый раз во время Первой мировой войны и окончательно в 1931 г.), банкноты Банка Англии могли служить стандартными неразменными деньгами, и частные банки могли продолжать строить пирамиду депозитов до

востребования сверх своих резервов в Банке Англии. Разница заключалась в том, что теперь золотой стандарт больше не оказывал никакого сдерживающего влияния на кредитную экспансию (т.е. подделку банкнот и депозитов) со стороны Банка Англии.

Отметим также, что с запретом частным банкам выпускать банкноты в отличие от депозитов до востребования впервые форма складской расписки (банкноты это или депозиты) стала иметь большое значение. Если клиенты какого-либо банка пожелают получить наличные (бумажные банкноты) вместо нематериальных депозитов, то банк должен обращаться в центральный банк и изымать свои резервы. Как мы увидим далее, анализируя деятельность Федерального резерва, обмен депозита до востребования на банкноту имеет эффект сокращения денежной массы, тогда как обмен банкноты на нематериальный депозит будет оказывать эффект увеличения денежной массы.

Ослабление ограничений на расширение банковского кредита

Учреждение центрального банка ослабило ограничения, накладываемые свободным рынком на деятельность банков с частичным резервированием, несколькими способами. Во-первых, к середине XIX в. была ловко создана «традиция», что центральный банк должен выступать в качестве «кредитора в последней инстанции», чтобы спасти банковскую систему, когда множество банков одновременно оказываются в трудном финансовом положении. За центральным банком стояли мощь, закон и престиж государства. В этом банке находились счета государства, и негласно подразумевалось, что государство считает центральный банк «слишком крупным, чтобы позволить ему разориться». Даже в условиях золотого стандарта банкноты центрального банка использовались (по крайней мере негласно) в качестве узаконенного платежного средства, а на пути их реального погашения золотом (прежде всего для граждан страны) возводилось все больше барьеров, хотя прямо размен на золото не запрещался. Поддерживаемая центральным банком и, кроме того, самим государством вера населения в банковскую систему была искусственно укреплена, и «набеги на банки» стали менее вероятны.

Даже в условиях золотого стандарта внутренние потребности в золоте стали значительно меньше, и банкам было не о чем особенно беспокоиться. Основная проблема для банкиров заключалась в международных требованиях выплат золотом, потому что если жителей, скажем, Франции, можно убедить не требовать золото за банкноты или депозиты, то убедить британских или германских граждан, имеющих банковские депозиты во франках, не погашать их золотом было трудно.

Система, созданная законом Пиля, предусматривала, что центральный банк может стать инструментом создания картеля и прежде всего обеспечить, чтобы жесткие ограничения со стороны свободного рынка на экспансию отдельного банка можно было обойти. Как мы помним, если в условиях свободного рынка Банк Ротбарда увеличит выпуск банкнот или депозитов сам по себе, эти складские расписки быстро попадут в руки клиентов других банков, и эти люди либо их банки потребуют погашения складских расписок Банка Ротбарда золотом. А поскольку весь смысл частичного резервирования состоит в том, чтобы не иметь достаточно денег для выкупа расписок, то Банк Ротбарда быстро разорится. Но если центральный банк пользуется монополией на эмиссию банкнот, и все коммерческие банки строят пирамиды своих депозитов до востребования сверх своих «резервов» — чековых счетов — в центральном банке, то тогда все, что нужно последнему для успешного создания картеля, — это пропорциональная экспансия по всей стране, так, чтобы все конкурирующие банки увеличили свои резервы и могли расширяться одновременно одними и теми же темпами. Тогда если, например, Банк Ротбарда выпустит складских расписок значительно, скажем, в 3 раза, больше своих резервов в центральном банке, то он не лишится резервов, если все конкурирующие банки расширят свой кредит во столько же раз. В этом смысле центральный банк действует как эффективный организатор картеля.

Но хотя центральный банк может мобилизовать все банки внутри страны и обеспечить, чтобы они все увеличивали денежные эквиваленты в равной степени, проблема с банками других стран остается. Центральный банк Руритании может проследить, чтобы все банки Руритании мобилизовались и все вместе увеличили выдачу кредитов и денежную массу, но он не имеет влияния на банки или валюты других стран. Его потенциал создания картеля простирается только в пределах границы его собственной страны.

Центральный банк покупает активы

Прежде чем проанализировать операции Федерального резерва более подробно, мы должны понять, что наиболее важный способ, при помощи которого центральный банк может создать картель на основе подведомственной ему банковской системы, — увеличить резервы банков, а наиболее простой способ сделать это — просто купить активы.

В условиях золотого стандарта «резервом» коммерческого банка, т.е. активами, которые предположительно стоят за его банкнотами или депозитами, является золото. Когда на сцену выходит центральный банк, и особенно после принятия закона Пиля 1844 г., резервы включают золото, но преимущественно представляют собой депозитные счета до востребования коммерческого банка в центральном банке, которые позволяют банку погашать свои собственные чековые счета банкнотами центрального банка, обладающего предоставленной государством монополией выпускать реальные банкноты. На практике банки в качестве резервов хранят депозиты центрального банка, погашаемые банкнотами центрального банка, а уже последний обязуется выкупать эти банкноты за золото.

Понятно, что структура, сформировавшаяся после принятия закона Пиля, проложила путь к плавному переходу к денежному стандарту на основе неразменных бумажных денег. Так как граждане страны начали использовать банкноты центрального банка как наличные деньги, а размена на золото требовали только иностранцы, правительству было нетрудно распродавать золото и отказываться выкупать свои обязательства и банкноты центрального банка за звонкую монету. Простые люди продолжали использовать банкноты центрального банка, а коммерческие банки погашали свои депозиты этими банкнотами. Повседневная экономическая жизнь страны, казалось, текла как и прежде. Необходимо понимать, что если бы не было центрального банка, особенно центрального банка пилевского образца — обладающего монополией на эмиссию банкнот, то распродажа золота [банками] создала бы значительные проблемы и вызвала недовольство населения.

Каким образом центральный банк может увеличить резервы подведомственных ему банков? Просто покупая активы. Неважно, у кого он покупает активы: у банков, частных лиц или фирм. Предположим, центральный банк покупает активы у банка. Например, Центральный банк покупает здание, которым владеет Джонсвилльский банк за 1 000 000 долл. Запись о здании, оцененном в 1 000 000 долл., переносится из колонки «Активы» баланса Джонсвилльского банка в колонку «Активы» баланса Центрального банка. Как Центральный банк платит за здание? Просто выписывая чек на себя самого на 1 000 000 долл. Где он взял деньги, чтобы выписать чек? Он создал деньги из воздуха, т.е. подделав складскую расписку на 1 000 000 долл. наличными, которых он не имеет. Джонсвилльский банк размещает чек на депозит в Центральный банк, и депозитный счет Джонсвилльского банка в Центральном банке увеличивается на 1 000 000 долл. Общие резервы Джонсвилльского банка увеличились на 1 000 000 долл., после чего он и другие банки смогут за короткий период времени увеличить количество собственных складских расписок на несуществующие резервы во много раз, и тем самым во много раз увеличить сумму денег в обращении.

В табл. 7 показано начало процесса покупки активов. Теперь нам придется иметь дело с двумя комплектами переводных счетов: коммерческого банка и центрального банка.

Таблица 7

Центральный банк покупает активы у коммерческого банка

Коммерческий банк

Активы

Депозит в центральном банке: + 1 000 000 долл.

Здание: 1 000 000 долл.

Акционерный капитал + Пассивы

Центральный банк

Здание: + 1 000 000 долл.

Депозит банкам: + 1 000 000 долл.

Теперь проанализируем подобный, хотя и не столь очевидный процесс, который происходит, когда центральный банк покупает активы у какого-нибудь экономического субъекта, частного лица или фирмы. Предположим, что Центральный банк покупает жилой дом стоимостью 1 000 000 долл. у строителя Джека Левитта. Колонка «Активы» баланса Центрального банка увеличивается на 1 000 000 долл., отражающие стоимость дома. За дом он платит, выписав чек на 1 000 000 долл. на самого себя, складскую расписку на несуществующие наличные, которые он создает из ничего, из воздуха. Он выписывает чек г-ну Левитту, который, не имея возможности открыть счет в Центральном банке (только банки могут иметь там счет), может сделать с чеком только одно: положить его на депозит в банк, клиентом которого он является. Это

увеличивает его текущий счет на 1 000 000 долл. Далее повторяются с несущественными изменениями события, описанные в предыдущем примере. В результате помещения чека на депозит сумма денег в обращении в стране увеличилась на 1 000 000 долл., которого прежде не существовало. Таким образом, инфляционное увеличение количества денег в обращении уже произошло. Кроме того, произошло перераспределение, так как все новые деньги, по крайней мере вначале, попали к г-ну Левитту. Но это только первоначальное увеличение, так как банк, услугами которого пользуется г-н Левитт, скажем, Роквильский банк, принимает чек и размещает его в Центральном банке, тем самым увеличивая на 1 000 000 долл. свой депозит, служащий ему в качестве резервов его банковской деятельности с частичным резервированием. Роквильский банк вместе с другими, конкурирующими банками получает возможность расширить эмиссию складских расписок и выдачу кредитов, выдаваемых этими расписками. Произойдет многократное увеличение денежной массы. Этот процесс показан в табл. 8 и 9.

Таблица 8

Центральный банк покупает активы не у банка

Коммерческий банк

Активы

Депозит до востребования в центральном банке:
+ 1 000 000 долл.

Акционерный капитал + Пассивы

Депозит до востребования: (Левитту):
+ 1 000 000 долл.

Центральный банк

Дом: + 1 000 000 долл.

Депозит до востребования банкам: + 1 000 000 долл.

В данный момент резервы коммерческого банка — его депозиты до востребования в центральном банке — увеличились на 1 000 000 долл. Этот банк вместе со своими банками-партнерами теперь может значительно расширить открытие депозитов до востребования и выдачу кредитов сверх своих резервов. Сделаем довольно реалистическое предположение, что увеличение составило 10 к 1. Банк полагает, что сейчас он может создать у себя объем депозитов до востребования, в 10 раз превышающий его резервы. Он создает новые депозиты до востребования путем предоставления их фирмам или потребителям непосредственно в виде кредитов, либо приобретая ценные бумаги на рынке. Баланс банка в момент завершения процесса экспансии, занимающего несколько недель, можно увидеть в табл. 9. Помните, что ситуация, отраженная в табл. 9, может возникнуть в результате прямой покупки активов центральным банком у коммерческого банка (см. табл. 7) либо в результате покупки активов на открытом рынке у кого-нибудь, кто является вкладчиком этого или другого коммерческого банка (см. табл. 8). Конечный результат будет одинаковым.

Таблица 9

Результат кредитной экспансии

Коммерческий банк

Активы

Кредиты бизнесу: + 9 000 000 долл.
Депозит до востребования в ЦБ: +1 000 000 долл.

Акционерный капитал + Пассивы

Депозит до востребования: +10 000 000 долл.

Центральный банк

Дом: + 1 000 000 долл.

Депозит до востребования банкам: + 1 000 000 долл.

Корни Федерального резерва: создание Национальной банковской системы

Теперь должно быть абсолютно ясно, как коммерческие банки относятся и почти всегда будут относиться к центральному банку страны. Центральный банк - их опора, поддержка и укрытие от ветров конкуренции и населения, пытающегося получить деньги, поскольку считает их своей собственностью, которая просто хранится в сейфах банка. Центральный банк является ключевой силой, поддерживающей доверие обманутого населения к банкам и удерживает его от «набега на банки». По отношению к банкам центральный банк выступает в роли кредитора в последней инстанции и организатора картеля, который позволяет всем банкам расширяться одновременно, чтобы [из-за разницы в темпах экспансии] резервы одной группы банков не перетекли в банки другой группы, и первым не пришлось резко сокращать экспансию, и они не подвергались риску банкротства. Центральный банк почти жизненно необходим для процветания коммерческих банков, для

их профессиональной деятельности в качестве производителей новых денег посредством выпуска иллюзорных складских расписок на стандартные наличные деньги.

Становится также очевидной лживость распространенных утверждений, что частные коммерческие банки являются «проинфляционными ястребами» или что центральный банк - защитник от инфляции. Наоборот, все вместе они являются источниками инфляции, причем единственными источниками инфляции в экономике.

Но это не значит, что банки никогда не выражают недовольства своим центральным банком. Размолвки бывают в любом «браке», и банки часто ворчат по поводу своего поводыря и защитника. Но недовольство почти всегда состоит в том, что центральный банк проводит недостаточно активную инфляционную политику и защищает их недостаточно активно и последовательно. Центральный банк, являясь лидером и наставником коммерческих банков, должен всегда учитывать другие влияния, в основном политические. Даже сегодня, когда их банкноты являются стандартными наличными деньгами, банки должны действовать с оглядкой на общественное мнение, популистские жалобы на инфляцию и инстинктивно пронизательное, хотя зачастую наивное, общественное осуждение «власти денег». Отношение коммерческих банков к центральному банку и правительству сродни расплывчатым жалобам на правительство «клиентов» системы социального обеспечения или предприятий, просящих субсидии. Жалобы почти всегда направлены не против существования системы социального обеспечения или программы субсидий, а против «недостаточной» интенсивности и масштабности дотаций. Спросите жалобщиков, хотят ли они отмены социальных пособий или субсидий, и вы увидите в их глазах ужас, если, конечно, они воспримут ваш вопрос серьезно. Аналогично, спросите любого банкира, желает ли он упразднения центрального банка и реакцией будет такой же ужас[17].

В течение первого столетия существования Американской Республики деньги и банковская деятельность были ключевыми политическими вопросами в спорах между политическими партиями. Центральный банк находился в центре дискуссий с самого начала существования американского государства. На каждом этапе этого пути поборниками учреждения центрального банка были энергичные националисты[18], сторонники большого центрального правительства. Фактически в 1781 г., еще до окончания войны за независимость, ведущий националист, торговый магнат из Филадельфии Роберт Моррис, который во время войны являлся в прямом смысле слова экономическим «царем» Конгресса, заставил Конгресс учредить первый центральный банк — на базе своего собственного Банка Северной Америки (Bank of North America (BNA)). Как и в случае с Банком Англии, Конгресс пожаловал частному Банку Северной Америки Морриса монопольную привилегию на выпуск бумажных банкнот в стране. Большая часть этих банкнот была выпущена для приобретения новых долговых обязательств федерального правительства, а BNA стал банком-депозитарием всех средств Конгресса. Более половины капитала BNA официально принадлежало Конгрессу[19]. Декларировалось, что банкноты банка размениваются на звонкую монету, однако экспансия на основе частичного резервирования, предпринятая BNA, привела к обесцениванию его банкнот за пределами Филадельфии, где он находился. После окончания войны за независимость Моррис потерял свое национальное политическое могущество и был вынужден быстро приватизировать BNA и перевести его в статус обычного частного банка, лишённого правительственных привилегий.

На протяжении первого столетия существования Республики партия, поддерживавшая идею центрального банка (вначале это были гамильтоновские федералисты, затем виги, потом республиканцы), была партией — сторонницей центрального правительства со значительным государственным долгом, высокими протекционистскими пошлинами, большим объемом общественных работ и субсидиями для крупного бизнеса — первая версия «партнерства между правительством и промышленностью». Протекционистские пошлины должны были субсидировать отечественных производителей, а бумажные деньги — банковскую деятельность с частичным резервированием. Националисты защищали идею создания центрального банка как часть общей политики инфляции и дешевых кредитов во благо избранных видов бизнеса. Фаворитами были фирмы и отрасли, принадлежавшие финансовой элите страны, сконцентрировавшейся за время гражданской войны в Филадельфии и Нью-Йорке, который после окончания войны занял главенствующее положение.

Этой влиятельной группе националистов противостояло не менее влиятельное движение, выступающее за принципы свободного предпринимательства, свободных рынков, свободной торговли, ультраминимальное и децентрализованное правительство, а в области денег — за систему твердой валюты, основанной на золоте и серебре, за банки, лишённые специальных привилегий, и политику 100%-ного золотого обеспечения. Эти либертарианцы — сторонники твердых денег составляли сердце и душу демократическо-республиканской партии Джефферсона[20], а затем демократической партии Джэксона, а их потенциальные избиратели были представителями практически всех слоев общества за исключением банкиров с их привилегированной клиентурой.

После того как Гамильтоном[21] был учрежден First Bank of the United States, за которым последовал

Second Bank, учрежденный по окончании войны в 1812 г. сторонниками идеи центрального банка из числа представителей демократическо-республиканской партии, президенту Эндрю Джэксону[22] удалось ликвидировать центральный банк в результате титанической борьбы в 1830-е годы. Хотя демократы Джэксона не смогли полностью претворить в жизнь программу твердых денег в 1840 — 1850-е годы из-за усиливавшегося раскола среди демократов по вопросам рабства, все же за это время им удалось, помимо проведения политики свободной торговли в последний раз в истории США, ликвидировать не только центральный банк, но и все следы этого института.

Хотя в новую республиканскую партию 1850-х годов вошли многие бывшие демократы Джэксона, но экономическая повестка дня республиканцев неизменно определялась бывшими вигами. После сецессии Юга [23] республиканцы заняли подавляющее большинство мест в Конгрессе, превратившемся практически в однопартийное собрание, и использовали это преимущество для реализации давно лелеемой ими программы экономического национализма и этатизма. Эта националистическая программа включала в себя значительное увеличение влияния центрального правительства, питаемого за счет первого подоходного налога и высоких налогов на алкоголь и табак, выделения огромных земельных участков и денежные субсидии новым трансконтинентальным железным дорогам, а также восстановление протекционистских пошлин.

Значительная часть боев республиканской этатистской революции велась на денежном и финансовом фронтах. Чтобы финансировать военные действия против Юга, федеральное правительство вышло из золотого стандарта и выпустило неразменные бумажные деньги, называвшиеся «гринбеки» (формально — банкноты США). Когда через два года рыночный курс неразменных бумажных денег по отношению к золоту упал до 50 центов за доллар, федеральное правительство стало финансировать военные расходы в основном за счет увеличения государственного долга.

Таким образом, программе республиканцев-вигов удалось свести на нет традиционную приверженность демократов Джефферсона — Джэксона к твердым деньгам и золоту, а также их неприятие государственного долга. (И Джефферсон, и позже Джэксон за время своего правления сумели в последний раз в американской истории полностью погасить федеральный государственный долг!) Хотя республиканцы еще не чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы восстановить центральный банк, они покончили с относительно свободной и неинфляционной банковской системой постджэксонского периода, и создали новую Национальную банковскую систему, централизовавшую национальные банки, пройдя половину пути к центральному банку.

С началом войны банки штатов с превеликим удовольствием воспользовались возможностью резко расширить эмиссию своих банкнот и депозитов до востребования на базе принципа частичного резервирования и увеличения эмиссии федеральных «гринбеков», тем самым увеличивая совокупную денежную массу. Позже, во время гражданской войны, федеральное правительство создало Национальную банковскую систему в соответствии с законами о банках 1863, 1864 и 1865 гг. Если закон Пиля предоставлял монополию на эмиссию всех банкнот одному Банку Англии, то законы о национальных банках предоставляли эту монополию новой категории «национальных банков», лицензируемых на федеральном уровне. Существующим банкам штатов было запрещено эмитировать банкноты, и им пришлось ограничиться эмиссией банковских депозитов[24]. Другими словами, чтобы получить наличность, т.е. бумажные банкноты, банки штатов должны были держать депозитные счета в национальных банках. В случае необходимости, для погашения депозитов своих клиентов банки штатов получали наличные путем снижения остатка на своем счете в национальном банке. В свою очередь национальные банки имели трехуровневую иерархию. На вершине находились ведущие банки «центральных резервных городов», категория, в которую первоначально входили только крупные банки Нью-Йорка, на уровень ниже располагались банки «резервных городов» в городах с населением более 500 000 человек, и в самом низу находились остальные «провинциальные банки». Новое законодательство вводило в действие механизм, впервые примененный в 1840-х годах правительствами штатов, в которых заправляли виги, прежде всего это были штаты Нью-Йорк и Мичиган: установление законодательного минимума обеспеченности резервами банкнот и депозитов, эмитируемых банками. Резервные требования являлись инструментом контроля высших уровней банковской иерархии над низшим. Главной задачей было убедить банки низшего уровня держать значительную часть своих резервов не в узаконенных деньгах (золоте, серебре или «гринбеках»), а на депозитных счетах до востребования в банках более высоких уровней.

Так, для провинциальных банков минимальный уровень резервов составлял 15% эмитированных банкнот и открытых депозитов до востребования. Из этих 15% только 40% должны были храниться в виде наличных денег, остальные могли храниться в форме депозитов до востребования, открытых в банках либо резервных городов, либо центральных резервных городов. В свою очередь банки резервных городов, уровень обязательных резервов для которых был установлен в 25%, имели право хранить в виде наличных не более половины своих резервов; другая половина могла храниться в виде депозитов до востребования в банках

центральных резервных городов, которые тоже должны были иметь обязательные резервы в размере 25%. Национальные банки должны получить лицензию у федерального контроллера денежного обращения, являвшегося чиновником Министерства финансов. Чтобы получить лицензию, банк должен был соответствовать высоким требованиям к минимальному капиталу, причем эти требования возрастали с переходом на более высокий иерархический уровень. Так, провинциальные банки должны были иметь собственный капитал в размере как минимум 50 000 долл., а банки резервных городов 200 000 долл.

До гражданской войны каждый банк штата мог строить пирамиду своих банкнот и депозитов только сверх собственного запаса золота и серебра, и любая чрезмерная экспансия могла легко разорить его в результате предъявления требований о размене на звонкую монету от других банков и населения. Каждый банк должен был сам о себе заботиться. Более того, если возникали подозрения, что какой-либо банк не способен погашать свои складские расписки, то на рынке его банкноты обесценивались по сравнению либо с золотом, либо с банкнотами других, более надежных банков.

Однако после создания Национальной банковской системы у банков отпала необходимость самим заботиться о себе и отвечать за свои долги. Правительство создало иерархическую структуру из четырех перевернутых пирамид, где каждая пирамида покоилась на меньшей, более узкой пирамиде. В основании этой многоуровневой системы перевернутых пирамид находилась небольшая группа очень крупных банков центральных резервных городов - банки, располагавшиеся на Уолл-стрит. На основе своих резервов золота, серебра и «гринбеков» банки Уолл-стрит могли расширять эмиссию банкнот и депозитов в соотношении 4:1. На основе депозитов в банках центральных резервных городов банки резервных городов могли эмитировать свои обязательства также из расчета 4:1, а затем провинциальные банки могли выпускать собственные складские расписки из расчета 6,67:1 на основе депозитов в резервных банках. Наконец, банки штатов, вынужденные держать депозиты в национальных банках, могли строить пирамиды из своих обязательств (денег и кредита) на основе депозитных счетов в провинциальных банках или банках резервных городов.

Чтобы устранить ограничения на расширение банковского кредита в виде обесценивания банкнот на рынке, Конгресс потребовал от всех национальных банков принимать банкноты друг друга по номиналу. Федеральное правительство предоставило статус квазиуказанного платежного средства банкнотам всех национальных банков, согласившись принимать их по номиналу при уплате налогов. Как и до гражданской войны, открывать филиалы было запрещено, так что банк погашал банкноты звонкой монетой только в своем головном отделении. Кроме того, федеральное правительство затруднило погашение банкнот металлическими деньгами, ограничив допустимое сокращение объема (т.е. чистое погашение) банкнот национальных банков, установив месячный лимит в размере 3 млн долл.

Таким образом, в стране была создана новая, централизованная и гораздо более ненадежная и инфляционная банковская система, которая имела возможность раскручивать инфляцию на базе экспансии банков Уолл-стрит и, разумеется, этой возможностью активно пользовалась. Находясь в основании пирамиды, банки Уолл-стрит могли как ограничивать, так и генерировать многократное расширение национальной денежной массы и кредитов. Под прикрытием «военной необходимости» республиканская партия постепенно трансформировала национальную банковскую систему из относительно здоровой и децентрализованной в инфляционную систему под централизованным контролем Уолл-стрит.

Члены Конгресса от демократической партии, приверженные принципу твердых денег, почти все до единого противостояли Национальной банковской системе. Потребовалось почти десятилетие, чтобы демократы возродились политически после гражданской войны, и в течение этого периода их усилия в области денежной политики были направлены против инфляции «гринбеков» и на возвращение к золотому стандарту. Они добились победы в 1879 г., хотя республиканцы оказывали им активное сопротивление. Особенно активными в поддержке инфляции «гринбеков» была промышленная и финансовая элита радикальных республиканцев: сталелитейные промышленники и владельцы крупных железных дорог. Практически полный крах банкиров, магнатов и владельцев огромного количества субсидируемых железных дорог из числа националистов во время масштабной паники 1873 г. подорвал их политическую и экономическую мощь и способствовал победе золота. Паника была последствием военного и послевоенного инфляционного бума, порожденного новой банковской системой. Такой влиятельный финансовый магнат, как Джей Кук, имевший монополию на размещение государственных облигаций со времен гражданской войны и главный архитектор Национальной банковской системы, во имя торжества высшей справедливости в результате паники полностью разорился. Но даже после 1879 г. золоту приходилось выдерживать атаки сторонников инфляции, пытавшихся восстановить серебряный стандарт или добавить серебро к денежному стандарту. Только после 1900 г. угроза со стороны серебра была окончательно ликвидирована, и золото утвердилось как единственный денежный стандарт. К сожалению, к этому времени демократы утратили статус партии твердых денег, и стали еще более инфляционистски настроенными, чем республиканцы. В

разгар борьбы за денежный стандарт доля сторонников твердых денег среди демократов постоянно сокращалась и они не имели ни возможности, ни желания попытаться восстановить свободную и децентрализованную банковскую структуру в том виде, в каком она существовала до гражданской войны.

Корни Федерального резерва: недовольство Уолл-стрит

К 1890-м годам ведущие банкиры Уолл-стрит все больше разочаровывались в своем собственном творении — Национальной банковской системе. Во-первых, хотя банковская система была частично централизована под их руководством, степень централизации была, по их мнению, недостаточной. Прежде всего не было авторитетного центрального банка, который помогал бы коммерческим банкам выпутываться из финансовых затруднений, выполняя функцию «кредитора в последней инстанции». Свои жалобы крупные банкиры формулировали в терминах «неэластичности». Денежная масса, ворчали они, была недостаточно «эластичной». В переводе на обычный язык это означало, что ее нельзя было увеличивать достаточно быстро.

В частности, банки Уолл-стрит считали денежную массу достаточно «эластичной», когда создавали инфляционный бум посредством кредитной экспансии. Банки центральных резервных городов строили пирамиды из своих банкнот и депозитов сверх золотого запаса и тем самым множили перевернутые пирамиды денежной экспансии на основе их собственной кредитной экспансии. Все было замечательно. Проблемы появлялись, когда на поздних стадиях инфляционного бума банковская система попадала в сложную ситуацию, и люди приходили в банки, чтобы погасить свои банкноты и депозиты звонкой монетой. Поскольку все банки по сути были неплатежеспособны, они во главе с банками Уолл-стрит были вынуждены быстро сокращать объем выданных кредитов, чтобы остаться в бизнесе, вызывая финансовый кризис и сжатие денежной массы и кредита во всей экономике. Банки не желали ничего слышать о том, что внезапный крах является платой за излишества ими же вызванного инфляционного бума. Они хотели иметь возможность продолжать экспансию не только во время бума, но и во время рецессии. Отсюда их призыв о необходимости найти лекарство против «неэластичности» денег во время рецессий. И этим лекарством, разумеется, было старое универсальное средство от всех бед, которое националисты и банкиры проталкивали с начала становления Республики: центральный банк.

Неэластичность была не единственной причиной недовольства банкиров с Уолл-стрит сложившимся положением дел. Уолл-стрит все больше утрачивала свое доминирующее положение в банковской системе. Первоначально банкиры Уолл-стрит думали, что банки штатов полностью сойдут со сцены благодаря запрету на эмиссию собственных банкнот; однако банки штатов полностью компенсировали потери, начав открывать депозиты до востребования, используя в качестве базы для экспансии эмиссию национальных банков. Но гораздо хуже было то, что банки штатов и другие частные банки начали одерживать верх над национальными банками в конкуренции на рынках финансовых услуг. Так, если сразу по окончании гражданской войны национальные банки полностью доминировали, то к 1896 г. банки штатов, сберегательные банки и частные банки контролировали 54% всех ресурсов банковской системы. Относительный рост банков штатов в ущерб национальных банков был результатом нововведений Закона о национальных банках: высоких требований к собственному капиталу национальных банков, запрета национальным банкам заниматься приемом сберегательных вкладов и выдавать ипотечные кредиты на покупку недвижимости. Более того, к началу XX в. банки штатов стали доминировать в растущем трасовом бизнесе.

Но и этим дело не ограничилось. Даже в рамках национальной банковской структуры Нью-Йорк терял свое доминирование над банками других резервных городов. Вначале Нью-Йорк был единственным центральным резервным городом в стране. Однако в 1887 г. Конгресс внес поправки в Закон о национальных банках, позволив городам с населением более 200000 человек стать центральными резервными городами, чем Чикаго и Сент-Луис немедленно воспользовались. Эти города росли гораздо быстрее Нью-Йорка. В результате Чикаго и Сент-Луис, которые в 1880 г. контролировали 16% общей суммы банковских депозитов Чикаго, Сент-Луиса и Нью-Йорка, к 1910 г. смогли удвоить свою долю, доведя ее до 33%[25].

Короче говоря, банкиры Уолл-стрит решили, что настало время осуществить полную централизацию банковской системы, сосредоточив управление ею в своих руках, и возродили идею о центральном банке: кредиторе в последней инстанции, который использует престиж и ресурсы федерального правительства во благо банковского бизнеса на основе частичного резервирования. Настало время ввести в Америке центральный банк, соответствующий закону Пиля.

Однако прежде необходимо было подавить мятеж популистской партии во главе с харизматичным

пиетистом[26] Уильямом Брайаном. Активность популистов представляла большую опасность для банкиров с Уолл-стрит по двум причинам: во-первых, популисты были гораздо более откровенными сторонниками инфляции, чем банкиры; во-вторых, что было важнее, они не доверяли Уоллстрит и стремились к такой инфляции, которая бы обошла банки стороной и они не могли бы ей управлять. Предложение популистов заключалось в том, чтобы вызвать инфляцию путем превращения серебра в деньги, включения его в денежный стандарт в качестве основного способа увеличения денежной массы, поскольку, как они подчеркивали, серебра намного больше, чем золота.

На национальном съезде демократической партии в 1896 г. Брайан и популисты заняли все руководящие посты в партии, которая ранее была партией твердых денег, и резко изменили американский политический ландшафт. Чтобы не допустить победы Брайана на президентских выборах, все национальные финансовые группы во главе с наиболее влиятельным инвестиционным банкирским домом Уолл-стрит J. P. Morgan and Company сообща помогли Мак-Кинли одолеть Брайана в 1896 г. и затем закрепить победу переизбранием Мак-Кинли в 1900 г. Им удалось обеспечить принятие Закон о золотом стандарте 1900 г., раз и навсегда покончив с угрозой, исходящей от серебра. Затем пришло время переходить к следующей задаче: созданию центрального банка Соединенных Штатов.

Картелирование экономики: прогрессистское направление

Происхождение Федерального резерва было намеренно окутано мифом, распространяемым его апологетами. Официальная легенда гласит, что идея центрального банка в Америке появилась после паники 1907 г., когда банки, терзаемые финансовой паникой, пришли к выводу о настоятельной необходимости радикальной реформы, которая должна начаться с учреждения кредитора в последней инстанции.

Все это чепуха. Паника 1907 г. предоставила удобный повод для возбуждения населения и распространения пропаганды в поддержку учреждения центрального банка. В действительности банкиры начали агитацию в поддержку центрального банка, как только обеспечили победу Мак-Кинли над Брайаном в 1896 г.

Согласно второй части официальной легенды центральный банк необходим, чтобы сдерживать прискорбное стремление коммерческих банков к чрезмерной экспансии, так как подобные бумы ведут к последующему краху. А вот «беспристрастный» центральный банк, действуя в интересах общества, может и будет удерживать банки от их естественного близорукого и эгоистичного стремления к извлечению прибыли в ущерб общему благу. Подразумевалось, что выдвигая этот аргумент, банкиры тем самым демонстрируют свою честность и альтруизм.

На самом деле, как мы видели, центральный банк нужен был банкам вовсе не для того, чтобы сдерживать их естественное стремление к инфляции, а наоборот, для того, чтобы позволить им раскручивать вызывающую инфляцию и расширяться согласованно, не навлекая на себя удары карающей десницы рыночной конкуренции. Как кредитор в последней инстанции центральный банк мог позволить им и даже поощрять продолжать инфляцию тогда, когда они обычно должны были в целях собственного спасения сокращать объем выданных кредитов. Короче говоря, реальные причины создания Федерального резерва и его поддержки крупными банками были как раз противоположны декларируемому мотивам. Центральный банк нужен был банкам скорее для того, чтобы он увеличил их прибыли, позволяя расширять кредитную экспансию гораздо дальше пределов, устанавливаемых конкуренцией свободного рынка, чем в качестве института для сокращения их собственных прибылей в интересах общего блага.

Однако банкиры столкнулись с проблемой общественного мнения. Они хотели, чтобы посредством учреждения центрального банка федеральное правительство создало и поддерживало банковский картель. Но в то время политический климат в стране не способствовал созданию монополий и централизации, общество было настроено в пользу свободной конкуренции. Общественное мнение враждебно относилось к Уолл-стрит и к процессам, в которых люди весьма проникательно разглядели зарождение «власти денег». Банкиры столкнулись со страной, в которой существовала давняя традиция противостояния центральному банку. Как им все же удалось создать центральный банк?

Важно понять, что проблема, которая стояла перед крупными банкирами, была частью более серьезной проблемы. Финансовый капитал, опять же во главе с банком Моргана, что не было простым совпадением, безуспешно пытался cartelировать экономику в условиях свободного рынка. В 1860— 1870-х годах Морганы

впервые, как основные финансисты и андеррайтеры первого американского большого бизнеса — железных дорог, неоднократно и безнадежно пытались объединить железные дороги в картель: организовать «объединения» [pools] железных дорог, чтобы ограничить перевозку грузов, распределить ее между участниками картеля, повысить тарифы на перевозку и в конечном счете увеличить прибыли в этой отрасли. Несмотря на большое влияние Моргана[27] и готовность большинства железнодорожных магнатов все попытки проваливались, разбиваясь о скалы рыночной конкуренции, поскольку отдельные железные дороги постоянно жульничали, нарушая соглашения, чтобы получить быструю прибыль, новый капитал строил конкурирующие железные дороги, чтобы воспользоваться высокими ценами картеля. В конце концов железные дороги Моргана обратились к федеральному правительству с просьбой ввести государственное регулирование в отрасли и тем самым навязать картель, чего они не смогли добиться на свободном рынке. Так появилась Комиссия по междуштатной торговле, созданная в 1887 г.[28]

До 1890-х годов большинство промышленных предприятий не были достаточно крупными для преобразования в корпорации. В 1890-е годы инвестиционные банкиры, финансирующие корпорации, вновь возглавляемые Морганами, организовали крупную серию гигантских слияний, охватывающих буквально сотни отраслей промышленности. Слияния должны были решить проблему жульничества со стороны отдельных фирм, и монопольные фирмы тогда смогли бы спокойно ограничивать производство, повышать цены и увеличивать прибыли для всех объединившихся фирм и акционеров. Пик мощной волны слияний пришелся на 1898—1902 гг. К несчастью, опять почти все объединения потерпели неудачу, не сумев занять монопольное положение в своих отраслях и установить монопольные цены, а в некоторых случаях они начинали терять долю на рынке и дело доходило до банкротства. Проблема снова заключалась в том, что в отрасль приходил новый капитал и, вооруженный современным оборудованием, побеждал в конкурентной борьбе картели с их искусственно завышенными ценами. И вновь Морганы вместе с представителями других финансовых и деловых кругов решили, что им требуется помощь правительства, в частности, федерального правительства, которое заменило бы их в создании, а еще лучше в принудительном навязывании картеля[29].

Знаменитая прогрессивная эра, эпоха «большого скачка» в массовом регулировании бизнеса со стороны федерального правительства и правительств штатов, продолжалась приблизительно с 1900 г. или конца 1890-х годов до окончания Первой мировой войны. Мотором прогрессивной эры были Морганы и их союзники, стремившиеся картелировать американскую промышленность и эффективнее добиваться своих целей там, где наступление картелей и объединений захлебывалось. Следует понимать, что Федеральная резервная система, созданная в 1913 г., была неотъемлемой частью этого прогрессивистского движения. Точно так же, как в 1906 г. крупные фирмы по упаковке мяса сумели пробить введение дорогостоящей проверки мяса федеральными контрольными органами, для того чтобы возложить неподъемные издержки на мелкие упаковочные фирмы, спустя семь лет крупные банки картелировали банковскую деятельность при помощи Федеральной резервной системы[30].

Итак, крупные банкиры, пытаясь учредить центральный банк, столкнулись с общественным мнением, подозрительно относящимся к Уолл-стрит и враждебно — к идее центрального банка; финансисты с промышленниками также споткнулись о традиции и идеологию свободной конкуренции и неприятие монополий. Как же им удалось убедить общественность и законодателей согласиться с фундаментальным разворотом американской экономики в направлении картелей и монополий?

В обоих случаях ответ одинаковый: крупным бизнесменам и финансистам приходилось заключать союзы с классами, определяющими общественное мнение, для того, чтобы добиться согласия общественности посредством лукавой и убедительной пропаганды. Для организации пропаганды необходимо было заручиться поддержкой классов, определяющих общественное мнение; в прошлые столетия эту роль выполняла церковь, а теперь, помимо священников, сюда входили работники средств массовой информации, журналисты, интеллектуалы, экономисты и другие ученые, деятели системы образования. Со своей стороны интеллектуалы и творцы общественного мнения с готовностью вступали в такие союзы. Большинство ученых, экономистов, историков, социологов в конце XIX в. уезжали в Германию, чтобы получить степень доктора наук, которая еще не присуждалась так широко в США. Там они проникались идеалами бисмарковского этатизма, органицизма, коллективизма, государственного управления обществом, когда бюрократы и планирующие органы руководят картелированной экономикой совместно с организованным крупным бизнесом.

Была и более явная экономическая причина для заинтересованности интеллектуального класса в новой этатистской коалиции. В конце XIX в. произошло огромное расширение и профессиональная специализация различных групп интеллектуалов и технократов. Внезапно обычные технические и конторские работники стали дипломированными инженерами; джентльмены со степенью бакалавра получили степени докторов наук в различных специализированных областях; врачи, социальные работники, психиатры объединялись в гильдии и профессиональные ассоциации. От государства они хотели получить непыльную и престижную

работу и гранты, чтобы (а) помогать управлять новой государственной системой и планировать ее деятельность; и (б) отстаивать новый порядок. Эти гильдии также были заинтересованы в том, чтобы государство лицензировало или как-либо иначе ограничивало вход на рынок профессиональных услуг с целью повышения доходов каждого члена гильдии.

Таким образом, новый альянс государства и творца общественного мнения, старый союз трона и алтаря был преобразован в партнерство государства, деловых лидеров, интеллектуалов и экспертов. Во время прогрессивной эры, пожалуй, наиболее важным форумом, созданным большим бизнесом и финансами, который объединил всех лидеров перечисленных выше групп, выработал общую идеологию и политическую программу, спроектировал и пролоббировал новые прогрессистские методы государственного и федерального вмешательства, была Национальная гражданская федерация, за которой последовали подобные и более специализированные группы[31].

Однако недостаточно было просто организовать новый этатистский альянс большого бизнеса и больших интеллектуалов. Они должны были согласовать, вынести на обсуждение и проводить общую идеологическую линию, которая убедила бы большинство граждан принять новую программу и даже с энтузиазмом ее приветствовать. Новая политика была чрезвычайно успешной, хотя и лживой. Суть ее состояла в том, что новые прогрессистские меры и государственное регулирование были необходимы, чтобы защитить интересы общественности от зловещей и эксплуататорской монополии большого бизнеса, которой он добился на свободном рынке. Государственная политика, проводимая интеллектуалами, учеными и беспристрастными экспертами ради общественного блага, должна была «спасти» капитализм, исправить ошибки и промахи свободного рынка, установив правительственный контроль и планирование в интересах общества.

На всем протяжении этого успешного «корпоративно-либерального»[32] надувательства, начавшегося в прогрессивную эру и продолжающегося по сей день, над коалицией большого бизнеса и интеллектуалов дамокловым мечом висит одна вроде бы неразрешимая пропагандистская проблема. Если эта политика направлена на то, чтобы сдерживать и укрощать ненасытный большой бизнес, то как получилось, что так много крупных бизнесменов, так много партнеров Моргана, Рокфеллеров и Гарриманов было замечено в продвижении этих программ? Ответ, хотя и наивный на первый взгляд, смог без труда убедить общественность: эти люди - просвещенные, образованные, проникшиеся общественными целями бизнесмены, движимые аристократическим убеждением *noblesse oblige* (положение обязывает); их кажущиеся почти самоубийственными действия и программы исполнены благородным духом жертвенности во благо человечества. Воспитанные в духе служения обществу они смогли подняться над эгоистичным и ограниченным стремлением к наживе, которое было присуще их предкам. И теперь стоит только появиться какому-нибудь скептику, который отказывается поддаваться очарованию этой сентиментальной чуши и пытается докопаться до действительных экономических мотивов, как на него тут же, не особенно церемонясь, навешивают ярлык «экстремиста» (левого или правого), мятежника и — самый убойный — «сторонника теории заговора в истории». Но вопрос, однако, не в «теории истории», а в желании обратиться к здравому смыслу. Аналитику или историку всего-то и нужно — предположить в качестве гипотезы что люди, работающие в правительстве, или те, кто лоббирует ту или иную экономическую политику, могут по меньшей мере точно так же руководствоваться эгоистическими мотивами и стремлением к прибыли, как и люди, занимающиеся бизнесом, или обычные люди в своей повседневной жизни, а затем исследовать показательные и изобличающие примеры, которые откроются его взору. Если говорить коротко, то центральный банк был задуман для того, чтобы «сделать для» банков то, что Комиссия по междуштатной торговле «сделала» для железных дорог, Закон об инспекции мяса — для упаковщиков мяса и т.д. В случае с центральным банком во время прогрессивной эры в интересах большого бизнеса был разыгран один из вариантов шулерской игры «Укротим большой бизнес». Центральный банк был якобы необходим для того, чтобы обуздать инфляционные крайности, в которые склонны впадать банки на нерегулируемом рынке. И если крупные банкиры с самого начала весьма активно поддерживали эту меру, то только потому, что они были более образованными, просвещенными и исполненными духом общественной пользы, чем их собратья по банковской деятельности.

Навязывание центрального банка: манипулирование движением, 1897 - 1902 гг

Около 1900 г. на финансовой и, что еще более важно, на политической арене разворачивалось ожесточенное противостояние двух могущественных финансово-промышленных групп, включающих в свой состав инвестиционные и коммерческие банки и промышленные предприятия. Это были коалиции, с одной

стороны, деловых кругов, сгруппировавшихся вокруг банка Моргана, и, с другой — альянс Рокфеллера-Гарримана и Kuhn, Loeb & Co. Начиная с 1900 г. этим двум финансовым элитам стало гораздо проще оказывать влияние на политиков и управлять политической жизнью, чем прежде. Дело в том, что «система третьей партии», существовавшая в Америке с 1856 по 1896 г., состояла из в высшей степени идеологизированных политических партий, непримиримо противостоящих друг другу. Несмотря на то, что каждая политическая партия — в данном случае демократическая, республиканская и различные малочисленные партии — представляла собой коалицию интересов и сил, она имела четкую идеологию, которой неуклонно придерживалась. Поэтому граждане нередко оставались лояльными одной партии на протяжении всей жизни, вырастали в партийном окружении, воспитывались на партийных принципах и ополчались против любого кандидата от партии, который предавал партийное дело или колебался. По различным причинам после 1900 г. демократическая и республиканская партии в системе четвертой и т.д. партии перестали быть идеологическими партиями, мало чем отличались одна от другой и в результате не вызывали такой лояльности, как прежде. В частности, демократическая партия после захвата Брайаном в 1896 г. уже не была партией, придерживающейся политики свободного предпринимательства и твердых денег. С этого момента обе партии стали прогрессистскими и умеренно этактистскими[33].

Так как после 1900 г. уменьшилась значимость политических партий и ослабело идеологическое сдерживание правительственного вмешательства, обеспечивавшееся популярностью идей свободного предпринимательства, влияние финансистов в правительстве заметно усилилось. Более того, Конгресс — арена деятельности политических партий — стал менее значимым. Образовался вакуум власти, позволивший интеллектуалам и экспертам-технократам занять места в аппарате исполнительной власти и без особых помех заняться планированием и руководством экономической жизнью страны.

Банкирский дом Моргана начал свою деятельность в 1860—1870-е годы как инвестиционный банк, финансирующий и контролирующий железные дороги, впоследствии переключившись на промышленную и банковскую деятельность. В противоположном лагере Рокфеллеры[34] начали с нефти, а затем занялись банковской деятельностью. Гарриман[35] приобрел известность как блестящий инвестор в железные дороги и предприниматель, конкурирующий с Морганами, а фирма Kuhn, Loeb & Co[36] первоначально была инвестиционным банком, финансирующим промышленность. С 1890-х годов и до Второй мировой войны значительную часть политической истории Америки, программ и конфликтов можно интерпретировать не столько в координатах «демократы» против «республиканцев», сколько как взаимодействие или конфликт между Морганами и их союзниками, с одной стороны, и альянсом Рокфеллеры — Гарриман — Kuhn, Loeb & Co — с другой.

Так, Гровер Кливленд[37] был союзником Морганов, и его кабинет и политика были в значительной мере ориентированы на Морганов. С другой стороны, Уильям Мак-Кинли[38], республиканец из Огайо, родного штата Рокфеллеров, полностью относился к лагерю Рокфеллера. Напротив, вся жизнь его вице-президента Теодора Рузвельта[39], который внезапно стал президентом после убийства Мак-Кинли, прошла в орбите Моргана. Когда Рузвельт внезапно поднял на щит антитрестовский закон Шермана, до того ни разу не востребованный, с целью разрушить Standard Oil Рокфеллера, а Гарримана — лишить контроля над Northern Pacific Railroad, это привело к невиданной битве между двумя могущественными финансовыми группировками. Президент Тафт[40], республиканец из Огайо, который был близок к Рокфеллерам, нанес ответный удар, пытаясь разрушить два основных треста Моргана — United States Steel и International Harvester. Придя в ярость, Морганы в 1912 г. создали прогрессивную партию во главе с партнером Моргана Джорджем Перкинсом и убедили популярного экс-президента Рузвельта избираться на третий срок от прогрессивной партии. Целью было лишить Тафта шансов на переизбрание и избрать первого за двадцать лет демократического президента — Вудро Вильсона[41][42].

Но несмотря на то, что эти две финансовые группы сталкивались по многим проблемам и личностям, по некоторым вопросам они договаривались и действовали сообща. Так, обе группы поддерживали новую тенденцию к картелированию во имя прогрессистского движения и обуздания так называемой монополии большого бизнеса, а также под руководством Морганов с удовольствием сотрудничали в Национальной гражданской федерации .

По вопросам банковского дела и надуманной необходимости создания Центрального банка между ними также царил полное согласие. И хотя позже между двумя фракциями возникнет жесткая борьба за контроль над Федеральным резервом, для того чтобы создать Федеральный резерв, они смогли действовать в полной гармонии и даже негласно сошлись на том, что банк Моргана будет играть ведущую роль, являясь первым среди равных[43].

Движение за банковскую реформу, организованное командами Моргана и Рокфеллера, началось, как

только была обеспечена победа Мак-Кинли на президентских выборах 1896 г. и была устранена угроза популиста Брайана. Реформаторы решили не шокировать население призывами к немедленному созданию центрального банка, а продвигаться в этом направлении медленно, вначале выдвинув общую идею о том, что необходимо излечить «неэластичность» денежной массы. Банкиры решили применить методы, которые они успешно использовали в организации массового движения за золотой стандарт в 1895—1896 гг. Главное — необходимо было скрыть руководящую и направляющую роль Уолл-стрит в новом движении, чтобы не допустить его дискредитации. Для этого в самом сердце Америки, на благородном Среднем Западе, вдали от Уолл-стрит, этого рассадника греха и разврата, было создано фальшивое движение «простых людей», в которое входили бизнесмены, не связанные с банковской деятельностью. Для банкиров, особенно с Уолл-стрит, было важно занимать скромное место на задворках этого реформистского движения, которое, казалось, состояло из бизнесменов, ученых и других неангажированных экспертов.

Официально инициатором движения за банковскую реформу сразу после выборов 1896 г. выступил Хью Генри Ханна, президент расположенной в Индианаполисе компании Atlas Engine Works, который до этого принимал активное участие в движении за золотой стандарт. Ханна послал меморандум в Торговую палату Индианаполиса, в котором призывал, чтобы ведущее место в движении за денежную реформу занял расположенный в самом центре страны штат Индиана[44]. Реакция реформаторов была удивительно молниеносной. В ответ на призыв Торговой палаты Индианаполиса, делегаты от торговых палат из 12 городов Среднего Запада в начале декабря встретились в Индианаполисе и призвали к проведению съезда бизнесменов из 26 штатов, который состоялся в Индианаполисе уже 12 января. Денежный конвент в Индианаполисе (ДКИ) постановил: (а) призвать президента Мак-Кинли продолжать придерживаться золотого стандарта; (б) призвать президента к построению новой системы «эластичного» банковского кредита, создав Денежную комиссию для выработки законодательства по вопросам реорганизации денежной системы. ДКИ назначил Хью Ханну председателем постоянного исполнительного комитета, который он должен был создать, чтобы проводить эту политику.

Влиятельная газета Yale Review приветствовала ДКИ за то, что он исключил оппозицию, представ как собрание бизнесменов, а не банкиров. Но для сведущих людей было ясно, что ведущими членами исполнительного комитета были влиятельные финансисты из окружения Моргана. Особенно влиятельными членами исполнительного комитета были Александр Орр, банкир из Нью-Йорка, сторонник Моргана, торговец зерном, директор железной дороги и директор принадлежавшего Дж. П. Моргану издательства Harper Brothers и магнат из Милуоки Генри Пэйн, один из лидеров республиканцев, глава контролируемой Морганом Wisconsin Telephone Company и директор North American Company, гигантского холдинга предприятий коммунального хозяйства. North American Company была настолько близка интересам Моргана, что в ее совет директоров входили два главных финансиста Моргана — Эдмунд Конверс, президент руководимого Морганом Liberty National Bank of New York, вскоре ставший президентом-учредителем компании Моргана Bankers Trust Company, и Роберт Бекон, партнер фирмы J. P. Morgan & Company и один из ближайших друзей Теодора Рузвельта[45].

Третим членом исполнительного комитета ДКИ стал еще более влиятельный секретарь комитета, который был еще ближе к империи Моргана. Речь идет о Джордже Фостере Пибоди. Вся семья Пибоди, контролирующая компанию Boston Brahmin, с давних пор имела тесные личные и финансовые связи с Морганом. Джордж Пибоди учредил международный банк, в котором отец Дж. П. Моргана был главным партнером. Один из членов клана Пибоди был свидетелем на свадьбе Дж. П. Моргана в 1865 г. Джордж Фостер Пибоди был сторонником левых либералов, известным нью-йоркским инвестиционным банкиром, в дальнейшем он поможет Морганам реорганизовать одну из их главных промышленных фирм General Electric, позже ему будет предложена должность министра финансов в администрации Вильсона. И хотя Пибоди отказался от официальной должности, во время правления Вильсона он стал его близким советником и «государственным чиновником без портфеля».

Президент Мак-Кинли очень благосклонно отнесся к ДКИ и в инаугурационной речи поддержал идею об «определенной реорганизации» банковской системы. Он повторил это в конце июля 1897 г. в специальном обращении к Конгрессу, предлагая учредить специальную комиссию по денежным вопросам. Законопроект о комиссии был принят палатой представителей, но не прошел в сенате.

Разочарованный, но невозмутимый исполнительный комитет ДКИ решил в августе избрать свою собственную Денежную комиссию Индианаполиса. Ведущую роль в создании новой комиссии играл Джордж Фостер Пибоди. Комиссия состояла из нескольких видных промышленников, в основном связанных с железными дорогами Моргана или с контролируемой Морганом компанией General Electric[46]. Действующим главой Денежной комиссии был экономист Лоуренс Лафлин, профессор политической экономии из Чикагского университета, и редактор издаваемого университетом престижного экономического журнала Journal of Political

Есоному. Лафлин руководил аппаратом комиссии и написанием докладов, аппарат комиссии состоял из двух студентов Лафлина из Чикагского университета.

Для финансирования работы Денежной комиссии Иидианаполиса в банковском и корпоративном сообществе была собрана внушительная по тем временам сумма в 50000 долл. Значительная доля квоты Нью-Йорка была внесена банкирами Моргана Пибоди и Орром; сам Морган также сделал крупный взнос.

Открыв филиал в Вашингтоне в середине сентября, сотрудники комиссии начали использовать убеждающие методы связей с общественностью для широкого распространения докладов комиссии. Они начали с того, что разослали подробную анкету нескольким сотням специально отобранных «непредвзятых» экспертов, которые, как они были уверены, дадут «правильные» ответы на вопросы анкеты. Затем результаты опроса предъявили как общепринятое мнение деловых кругов страны. Председатель ДКИ Хью Ханна сделал удачный шаг, наняв помощником комиссии в Вашингтоне финансового журналиста Чарльза Конанта, который только что издал книгу по истории банковского дела «A History of Modern Banks of Issue». Денежная комиссия должна была выпустить свой предварительный доклад в середине декабря. Но уже в начале декабря Конант расхваливал рекомендации комиссии, включив основную канву доклада в свою статью, опубликованную в журнале Sound Currency, обосновывая предложения комиссии частыми ссылками на неопубликованные результаты опроса, проведенного ею же. Конант и его коллеги убедили все газеты в стране опубликовать краткий обзор результатов опроса, и в результате, как сообщал секретарь комиссии, «осторожной манипуляции» они смогли обеспечить публикацию предварительного доклада комиссии частично или целиком почти в 7,5 тыс. газет, больших и маленьких, по всей стране. Так, задолго до появления компьютеризированной прямой рассылки Конант и другие сотрудники аппарата комиссии разработали систему распространения или доставки информации почти 100 000 получателям, «приверженным делу претворения в жизнь плана Комиссии по банковской и денежной реформе»[47].

Основной задачей предварительного доклада комиссии было довершить победу Мак-Кинли легализацией существующего де-факто единого золотого стандарта. В конечном итоге более важные последствия имел призыв к проведению фундаментальной реформы банковской системы, которая повысит «эластичность», чтобы банковский кредит можно было расширять и во время рецессии. Однако пока для столь далеко идущей трансформации не доставало конкретики.

Подготовив почву, исполнительный комитет решил организовать второй и завершающий съезд ДКИ, который состоялся в январе 1898 г. Второй съезд был гораздо более масштабным мероприятием, чем первый, собрав почти 500 делегатов из 31 штата. Более того, в этот раз организаторам удалось собрать весь цвет высшего руководства корпоративной Америки. Цель второго съезда, как откровенно объяснил собравшимся бывший министр финансов Фэрчайлд, заключалась в мобилизации ведущих бизнесменов страны для участия в мощном и влиятельном движении за банковскую реформу. Он сформулировал это следующим образом: «Если деловые люди уделяют серьезное внимание этим проблемам и изучат их, они согласятся с сутью предлагаемых законопроектов, а, придя к согласию, сумеют провести их в жизнь». Председательствовавший на съезде губернатор Айовы Лесли Шоу был, однако, слегка неискренен, когда заявил собранию: «Сегодня вы представляете не банки, так как в этом зале мало банкиров. Вы представляете промышленность и финансовые интересы страны». На самом деле в зале банкиров было достаточно. Сам Шоу, позже министр финансов в администрации Теодора Рузвельта, был банкиром из небольшого городка в штате Айова, президентом Bank of Denison, причем не находил ничего предосудительного в том, что, будучи губернатором, сохранял за собой и эту должность. Более важным для карьеры Шоу было то, что он долгое время являлся ведущим членом Des Moines Regency, аппарата республиканской партии в штате Айова, возглавляемом влиятельным сенатором Уильямом Бойдом Элисоном. Элисон, добившийся впоследствии для Шоу должности в Министерстве финансов, в свою очередь был тесно связан с Чарльзом Перкинсом, близким союзником Моргана, президентом железных дорог в Чикаго, Берлингтоне и Куинси, имеющим родственные отношения с очень влиятельной бостонской финансовой группой Форбса, давно связанной с интересами Моргана.

В качестве делегатов на этом съезде также присутствовали несколько известных экономистов, которые прибыли, как ни странно, не в качестве наблюдателей-ученых, а как откровенные представители различных деловых кругов. Так, профессор Джереми Дженкс из Корнеллского университета, ведущий защитник правительственного картелирования и принудительного создания трестов, который вскоре стал другом и советником Теодора Рузвельта в бытность его губернатором Нью-Йорка, прибыл в качестве делегата от Ассоциации предпринимателей Итаки. Фрэнк Тауссиг из Гарвардского университета представлял Торговую ассоциацию Кембриджа. Артур Твининг Хэдли из Йеля, который вскоре стал президентом Йельского университета, прибыл как представитель Торговой палаты Нью-Хэйвена, а Фред Тейлор из Мичиганского университета представлял Ассоциацию предпринимателей Анн-Арбора. Все они были влиятельными представителями экономического истеблишмента, занимая высокие должности в различных экономических

организациях. Дженкс, Тауссиг и Тейлор работали в Комитете по денежному обращению Американской экономической ассоциации. Хэдли, ведущий специалист по экономике железных дорог, входил в состав совета директоров двух главных железных дорог Моргана: New York, New Haven and Hartford Railroad и Atchison, Topeca, and Santa Fe Railroad.

Тауссиг и Тейлор относились к той части специалистов по денежной теории, которые настаивали на проведении реформы, направленной на то, чтобы сделать денежную массу более эластичной. Тауссиг выступал за расширение эмиссии банкнот национальных банков в ответ на «потребности бизнеса», чтобы денежное обращение «беспрепятственно росло, когда потребности общества спонтанно требуют увеличения». Тейлор также говорил о необходимости модификации золотого стандарта посредством «сознательного контроля за обращением денег» со стороны правительства «для того, чтобы поддерживать стабильность кредитной системы». Тейлор даже оправдывал приостановку денежных выплат правительством для того, чтобы «защитить золотой запас»[48].

В конце января конвент почти единогласно принял предварительный доклад, после чего профессору Лаф-лину было поручено разработать более подробный заключительный доклад комиссии, который был опубликован и распространен спустя несколько месяцев. Заручившись поддержкой участников августовского съезда, Лафлин в заключительном докладе, наконец, раскрыл все карты: в докладе не только говорилось о значительном увеличении эмиссии банкнот национальных банков, но и содержался прямой призыв к учреждению центрального банка, который будет обладать монополией на эмиссию банкнот[49].

Делегаты конвента быстро разнесли евангелие о банковских реформах и центральном банке по городам и весям, дойдя до каждого корпоративного и финансового сообщества. Так, в апреле 1898 г. Бартон Хэпберн, историк денежного обращения и президент Chase National Bank of New York, в то время флагманского коммерческого банка империи Моргана, и человек, который сыграет ведущую роль в учреждении центрального банка, пригласил члена Комиссии по денежному обращению Роберта Тейлора выступить перед Ассоциацией банков штатов Нью-Йорка по проблемам денежного обращения, так как «банкиры, как и все остальные люди, нуждаются в руководстве по этим вопросам». Все члены Комиссии, особенно Тейлор, в тот период были весьма активны, агитируя бизнесменов по всей стране за банковскую реформу[50].

Тем временем команда лоббистов Ханна и Конанта развила бурную деятельность в Вашингтоне. Законопроект, включающий предложения Денежной комиссии Ин-дианаполиса, был внесен в палату представителей конгрессменом от Индианы Джесси Оверстритом в январе и уже в мае он вышел из Комитета по банкам и денежному обращению. Конант постоянно встречался с членами Комитета по банкам, в то время как Ханна регулярно рассылал циркулярные письма делегатам конвента и общественности с целью организации кампании написания писем в поддержку законопроекта на каждом этапе его прохождения в Конгрессе.

На протяжении всей агитационной кампании министр финансов президента Мак-Кинли Лиман Гейдж тесно сотрудничал с Ханной, Конантом и их персоналом и даже предложил несколько аналогичных законопроектов. Гейдж, друг нескольких членов Комиссии по денежному обращению, был одним из влиятельных лидеров группировки Рокфеллера в банковской сфере. Его назначение на пост министра финансов было обеспечено Марком Ханной из штата Огайо, политическим мозгом и финансовой опорой президента Мак-Кинли, являвшимся старым другом по колледжу и партнером по бизнесу Джона Рокфеллера-старшего. До своего назначения в правительство Гейдж был президентом влиятельного банка First National Bank of Chicago, одного из ведущих коммерческих банков в сфере влияния Рокфеллера. В период пребывания в должности Гейдж пытался руководить Министерством финансов как центральным банком, накачивая денежную массу во время спадов путем покупки государственных облигаций на открытом рынке и депонируя крупные средства в близких ему коммерческих банках.

В 1900 г. Гейдж безуспешно призывал к образованию региональных центральных банков. Наконец, в своем последнем годовом отчете в качестве министра финансов в 1901 г. Лиман Гейдж прямо призвал к созданию государственного центрального банка. По его словам, без центрального банка «отдельные банки существуют изолированно, как отдельные единицы, без взаимных связей друг с другом». Пока центральный банк не установит такие связи, предупреждал он, паника 1893 г. может повториться.

Однако прежде, чем начинать реформу, необходимо было, чтобы Конгресс находился под контролем сторонников золотого стандарта. Эта задача решалась в ходе выборов в Конгресс 1898 г. Осенью постоянный исполнительный комитет ДКИ мобилизовал своих сторонников, обратившись к 97 000 своих корреспондентов по всей стране, ознакомившихся с предварительным докладом. Исполнительный комитет призывал своих читателей избрать Конгресс, выступающий за золотой стандарт. В ноябре эта цель была достигнута.

В результате администрация Мак-Кинли теперь могла внести законопроект, узаконивающий золотой стандарт, который был принят Конгрессом в марте 1900 г. (Gold Standard Act of March 1900). Первая часть задачи реформаторов была выполнена: золото стало единственным стандартом, и с угрозой со стороны серебра было покончено. Менее известными являются положения Закона о золотом стандарте, ставшие первыми шагами к более «эластичному» денежному обращению. Требования к капиталу для национальных банков в малых городах и сельской местности районах были смягчены, и национальным банкам стало проще осуществлять эмиссию банкнот. Это было сделано в ответ на популярное требование «большего количества денег» в сельской местности во время уборки урожая.

Но для реформаторов Закон о золотом стандарте был лишь первым шагом в направлении коренной реформы банковской системы. Так, Фрэнк Тауссиг в экономическом журнале Гарвардского университета выразил удовлетворение в связи с принятием Закона о золотом стандарте, причем особенно его радовало то, что принятие закона стало результатом новой расстановки социальных и идеологических сил, на которую повлияло «давление со стороны делового сообщества», оказываемое с помощью ДКИ. Но Тауссиг предупреждал: для того, чтобы добиться большей денежной и кредитной экспансии, реформы необходимо продолжать[51].

Комментируя Закон о золотом стандарте, Джозеф Френч Джонсон, профессор финансов из Уортоновской школы бизнеса университета Пенсильвании, более пространно высказался о необходимости дальнейших реформ. Джонсон сокрушался по поводу того, что банковская система США является самой несовершенной в мире, и для сравнения указывал на великолепные централизованные банковские системы Британии и Франции. В Соединенных Штатах, к сожалению, «нет ни одного делового института и ни одной группы крупных институтов, в которых личные интересы, ответственность и власть естественно объединяются и действуют сообща, защищая денежную систему от напряжений и искажений». Короче говоря, в банковской системе было слишком много свободы и децентрализации, поэтому структуру депозитных кредитов «трясло» всякий раз, когда кредитная экспансия приводила к спросу на наличные или золото[52].

Джонсон был наставником и близким другом по газете Chicago Tribune Лимана Гейджа и Фрэнка Вандер-липа. Последний сыграл особенно важную роль в движении за создание центрального банка. Когда Гейдж был назначен министром торговли, он взял с собой в Вашингтон Вандерлипа в качестве своего заместителя. После того, как к власти пришел Рузвельт, Гейдж в начале 1902 г. ушел в отставку. Затем Гейдж, Вандерлип и Конант заняли высокие должности в банках Нью-Йорка[53].

Политическое давление в направлении реформы после 1900 г. исходило от крупных банкиров. Бартон Хепберн, глава принадлежавшего Моргану Chase National Bank, в качестве руководителя комиссии Американской банковской ассоциации разработал законопроект, который был внесен в Конгресс в конце 1901 г. конгрессменом от Нью-Джерси Чарльзом Фаулером, председателем Комитета по банкам и денежному обращению Палаты представителей. Законопроект Хэпберна — Фаулера вышел из комитета в апреле следующего года. Законопроект Фаулера допускал дальнейшую экспансию эмиссии банкнот, он также разрешал национальным банкам открывать филиалы в стране и за рубежом, что раньше было незаконно (и оставалось незаконным до недавнего времени) из-за решительной оппозиции со стороны мелких провинциальных банков. Третье предложение законопроекта Фаулера заключалось в создании в Министерстве финансов контрольного совета из 3 членов для контроля за новыми банкнотами и учреждении расчетных палат. Это могло стать шагом к центральному банку. Но неистовое противодействие этому законопроекту со стороны провинциальных банкиров привело к тому, что в 1902 г. законопроект Фаулера был отклонен палатой представителей несмотря на его поддержку исполнительным комитетом и аппаратом ДКИ.

Так, оппозиция мелких провинциальных банкиров смогла остановить движение за банковскую реформу в Конгрессе. Пытаясь пойти другим путем, министр финансов в администрации Теодора Рузвельта Лесли Шоу попытался продолжить и расширить эксперимент Лимана Гейджа по наделению Министерства финансов США функциями центрального банка. В частности, Шоу производил покупку активов на открытом рынке во время спадов и в нарушение устава независимого Министерства финансов, в соответствии с которым все фонды Министерства финансов должны находиться в его сейфах, размещал средства Министерства финансов в крупных национальных банках. В своем последнем годовом отчете за 1906 г. Шоу потребовал, чтобы ему дали полную власть по регулированию всех банков страны. Но к тому времени все реформаторы считали, что эти усилия обречены на неудачу. Было очевидно, что необходимо было создавать именно центральный банк.

Движение за создание центрального банка возрождается, 1906-1910 гг

После того, как первые шаги по созданию централизованной банковской системы закончились ничем — провал в 1902 г. законопроекта Фаулера в Конгрессе и безуспешные попытки министра финансов Шоу использовать Министерство финансов в роли центрального банка, — реформаторы решили открыть карты и открыто призвать к учреждению в США центрального банка.

Кампания возобновилась после судьбоносного выступления в 1906 г. влиятельного банкира Джейкоба Шиффа, главы инвестиционной банковской фирмы Kuhn, Loeb & Company, в Торговой палате Нью-Йорка. Шифф жаловался на то, что осенью 1905 г. стране были «нужны деньги», но она не могла получить их в Министерстве финансов. «Эластичное денежное обращение» было требованием времени, и Шифф призвал Комитет по финансам Торговой палаты Нью-Йорка разработать всесторонний план новой банковской системы, которая обеспечила бы эластичность денежного обращения. Одним из партнеров фирмы Kuhn, Loeb & Company и родственником Шиффа, который действовал в поддержку центрального банка за кулисами, был Пол Мориц Варбург, высказывавший эту идею Шиффу еще в 1903 г. Варбург эмигрировал в 1897 г. из Германии, где работал в инвестиционной банковской фирме M. M. Warburg & Company, и был привержен существовавшей в Германии модели центрального банка.

Когда Комитет по финансам Торговой палаты Нью-Йорка не проявил энтузиазма, Фрэнк Вандерлип сообщил об этом своему боссу, Джеймсу Стилману, главе National City Bank, и тот предложил, чтобы в Торговой палате Нью-Йорка организовали специальную комиссию из пяти человек для подготовки доклада о плане реформы денежного обращения. Было важно, чтобы она была настроена дружелюбно, и Вандерлипу удалось подобрать состав комиссии, который полностью поддерживал идею создания центрального банка. В эту специальную комиссию Торговой палаты Нью-Йорка вошли Вандерлип, человек Рокфеллера; близкий друг Шиффа Изидор Страус, директор R. H. Macy & Company; два человека Моргана: Дюмон Кларк, президент American Exchange National Bank и личный советник Дж. П. Моргана, и наш старый друг Чарльз Конант, казначей компании Morton Trust Company. Пятым членом был Джон Клафлин, глава H. B. Claflin & Company, крупной оптовой фирмы, который был ветераном Денежного конвента Индианаполиса. Секретарем новой Комиссии по денежному обращению стал друг Вандерлипа профессор Джозеф Френч Джонсон, теперь работавший в Нью-Йоркском университете.

Комиссия приняла на вооружение тактику времен Индианаполиса, начав с проведения опроса: рассылая подробные анкеты по вопросам денежного обращения ведущим финансистам, новая комиссия получала легитимный статус. Пока Джонсон рассылал и обрабатывал анкеты, Конант разъезжал по центральным банкам Европы и беседовал с их руководителями.

В октябре 1906 г. специальная комиссия представила «Доклад о денежном обращении» Торговой палате Нью-Йорка. В целях устранения нестабильности и опасностей неэластичного денежного обращения комиссия призывала к созданию «эмиссионного центрального банка под контролем правительства». В январе следующего года Пол Варбург начал публичную агитацию за центральный банк, опубликовав две статьи по этой проблеме. После провала законопроекта Фаулера крупные банкиры понимали, что основной задачей будет убедить большое число мелких банкиров поддержать идею создания центрального банка.

Паника 1907 г. началась в октябре, став закономерным следствием политики инфляции, проводившейся министром финансов Лесли Шоу в течение двух предыдущих лет. Паника побудила крупных банкиров активизировать свои действия, выступив единым фронтом в поддержку института кредитора в последней инстанции в виде центрального банка. Они понимали, что первым шагом на пути к центральному банку должно быть завоевание поддержки экономистов, ученых и финансовых экспертов. К счастью для реформаторов, у них под рукой были две организации, полезные в деле мобилизации ученых: Американская академия политических и социальных наук, базирующаяся в Филадельфии (ААПСН), и Академия политических наук Колумбийского университета (АПН), в состав которых входили ведущие корпоративно-либеральные бизнесмены, финансисты, корпоративные юристы, а также ученые. Обе эти организации, а также Американская ассоциация за развитие науки (ААРН) зимой 1907/08 г. провели конференции по вопросам денежного обращения. На всех трех конференциях были приняты резолюции, призывающие к созданию центрального банка. Конференция в Колумбийском университете была организована известным экономистом Э. Р. Селигменом, совершенно не случайно принадлежавшим к семье, владеющей известным инвестиционным банком J. & W. Seligman and Company. Се-лигмен выразил благодарность университету, предоставившему трибуну ведущим банкирам и финансовым журналистам для выступления в защиту идеи создания центрального банка, поскольку «в условиях демократии чрезвычайно трудно заставить выслушать мнение специалистов». Подчеркивая важность создания центрального банка, на заседаниях также выступали Фрэнк Ван-дерлип из National City Bank, Бартон Хэпберн из Chase National Bank и Пол Варбург из Kuhn, Loeb.

На конференции ААПСН в Филадельфии за создание центрального банка выступили несколько ведущих

инвестиционных банкиров, а также Контролер денежного обращения Уильям Риджли. В консультативный комитет по денежному обращению ААПСН входили Хэлберн; личный юрист Моргана и государственный деятель Элиу Рут; давний личный юрист Моргана Фрэнсис Линд Стетсон и сам Дж. П. Морган.

Конференция ААРН, состоявшаяся в январе 1908 г., была организована не кем иным, как самим Чарльзом Конантом, который в том году оказался председателем социальной и экономической секции ААРН. Докладчиками, поддерживающими центральный банк, были Ко-нант, экономист из Колумбийского университета Дж. Б. Кларк, Вандерлип и друг Вандерлипа Джордж Робертс, глава ориентированного на Рокфеллера Commercial National Bank of Chicago, который позже будет переименован в National City Bank.

Задача реформаторов банковской системы была удачно сформулирована Дж. Р. Дафилдом, секретарем Bankers Publishing Company, в январе 1908 г.: «Общеизвестно, что прежде чем закон будет принят, необходимо провести просветительскую кампанию вначале среди банкиров, затем среди коммерческих организаций и, наконец, среди всего населения».

В том же месяце ведущую роль в деле продвижения законодательства по реформе банковской системы взял на себя сенатор-республиканец Нельсон Олдрич, глава сенатского Комитета по финансам. Являясь тестем Джона Рокфеллера-младшего, Олдрич, соответственно, представлял в Сенате интересы Рокфеллеров. В том же году Конгресс принял закон Олдрича— Риланда; его наиболее важным положением было увеличение количества чрезвычайных денег [emergency currency], которые национальные банки имели право эмитировать в периоды финансовых кризисов. Практически не замеченным оказался факт учреждения Национальной комиссии по денежному обращению (НКДО), которая должна была исследовать проблемы денежного обращения и внести предложения по всесторонней банковской реформе. Тайные цели НКДО разболтали два энтузиаста, приветствовавшие это событие в прессе. Сирен Прэтт из Wall Street Journal полагала, что настоящая цель создания НКДО — знакомить население с мнениями специалистов, и в ходе такого «просвещения» склонить его на сторону банковской реформы. Прэтт отмечала, что «только при помощи комиссии такое просвещение можно осуществить с необходимой тщательностью и в короткие сроки». Другой задачей комиссии, по словам Фестуса Уэйда, банкира из Сент-Луиса, члена Комиссии по денежному обращению Американской банковской ассоциации, было «вывести финансовые вопросы из области политики» и передать их под надежную опеку тщательно отобранных «экспертов». Денежная комиссия Индианаполиса была теперь воссоздана на общенациональном уровне.

Сенатор Олдрич, не теряя времени попусту, уже в июне 1908 г. сформировал НКДО. Комиссия состояла из равного количества сенаторов и членов палаты представителей, однако конгрессмены были всего лишь прикрытием для консультантов и работников аппарата, выполнявших всю реальную работу. По замыслу Олдрича, возглавить комиссию и вообще движение за банковскую реформу должен был альянс сторонников Рокфеллера, Моргана и Kuhn, Loeb. Главными консультантами комиссии Олдрич назначил двух человек, предложенных влиятельными людьми из окружения Моргана. По предложению Дж. П. Моргана, поддержанному Джейкобом Шиффом, своим главным советником Олдрич назначил Генри Дэ-висона, возможно, наиболее влиятельного из партнеров Моргана. Ведущим техническим экспертом по экономическим вопросам и руководителем исследовательских программ по рекомендации президента Гарвардского университета Чарльза Элиота, близкого друга Рузвельта и человека Моргана, Олдрич назначил экономиста из Гарварда Абрахама Пиата Эндрю. Эндрю организовывал проведение множества исследований и руководил составлением докладов по всем аспектам банковской деятельности и финансов. В декабре Олдрич привлек вездесущего Чарльза Конанта к исследованиям, связям с общественностью и агитпропу в интересах НКДО. Одновременно Олдрич собрал вокруг себя узкий круг влиятельных консультантов, в который входили Варбург и Вандерлип. Варбург в свою очередь привлек Ирвинга Буша, возглавлявшего Комитет по денежному обращению Торговой ассоциации Нью-Йорка, и элиту Американской экономической ассоциации. Варбург часто встречался и переписывался с ведущими учеными-экономистами, поддерживавшими банковские реформы, такими, как Селигмен, Дэвис Дьюи, историк банковского дела из Массачусетского технологического института, долгое время занимавший должность секретаря-казначея Американской экономической ассоциации и брат прогрессивистского философа Джона Дьюи, Фрэнк Тауссиг, Ирвинг Фишер из Йельского университета и Оливер Спраг, профессор банковского дела из Гарвардского университета, из семьи Спрагов, поддерживавших Моргана.

В сентябре 1909 г. реформаторы активизировали свою деятельность в поддержку создания центрального банка. Банкир из Чикаго, сторонник Моргана Джордж Рей-нолдс, выступая с президентским обращением к Американской банковской ассоциации, открыто призвал к созданию в Америке центрального банка. Почти одновременно с этим, 14 сентября, президент Уильям Говард Тафт, выступая в Бостоне, предложил стране серьезно обдумать вопрос о создании центрального банка. Тафт был близок к реформаторам, с 1900 г. его близким другом был Нельсон Олдрич, входящий в орбиту Рокфеллера. Газета Wall Street Journal оценила

важность этого публичного обращения как «перевод проблемы из области теории в область практической политики».

Неделю спустя реформаторы добились объединения усилий правительства, банков и средств массовой информации в продвижении идеи создания центрального банка. 22 сентября Wall Street Journal начала публиковать цикл из 14 редакционных статей под названием «Эмиссионный центральный банк». Эти неподписанные статьи в действительности были написаны вездесущим Чарльзом Конантом, являвшимся штатным главным пропагандистом Национальной денежной комиссии правительства США. Копируя тактику, опробованную в 1898 г., в начале 1910 г. Конант с помощью секретаря Олдрича подготовил выдержки из материалов комиссии и направил в газеты. Для того чтобы из материалов комиссии, статей и готовящихся к изданию книг извлечь «новостные абзацы» для редакторов газет, НКДО прибегло к помощи Дж. П. Гэвитта, возглавлявшего Вашингтонское бюро агентства Associated Press. Кроме того, НКДО воспользовался прикрытием двух с виду беспристрастных академических организаций. Академия политических наук выпустила специальный том своих трудов [Proceedings] совместно с НКДО, чтобы «популяризовать в лучшем смысле этого слова некоторые из наиболее ценных работ комиссии». В 1910 г. Академия политических и социальных наук выпустила свой собственный специальный том «Banking Problems», открывающийся статьей Эндрю и включающий статьи ветеранов движения за реформу банковской системы, таких, как Джонсон, Хорас Уайт, представитель моргановского Bankers Trust Фред Кент, а также ряд высокопоставленных лиц из National City Bank of New York Рокфеллера. Тем временем Пол Варбург увенчал свою долгую и интенсивную кампанию в поддержку центрального банка знаменитой речью в Нью-Йоркском отделении Христианской ассоциации молодых людей (Young Men's Christian Association, YMCA) 23 марта 1910 г., называвшейся «Объединенный резервный банк для Соединенных Штатов». Варбург обрисовал структуру своего любимого немецкого Рейхсбанка, но при этом постарался снять страх перед Уолл-стрит, утверждая, что центральный банк «не будет контролироваться Уолл-стрит или любыми другими монополистическими кругами». В связи с этим Варбург настаивал, что новый резервный банк не должен называться «центральным банком» и что совет управляющих этого банка должен избираться государственными чиновниками, торговцами и банкирами; но банкиры, разумеется, должны играть ведущую роль в формировании совета.

Одним из ярких сторонников плана Варбурга и автором предисловия к опубликованной Академией политических наук книге о реформе банковской системы, в которой речи Варбурга было уделено особое внимание (H. R. Mussey, ed. *The Reform of the Currency*. N. Y., 1911), был Э. Р. А. Селигмен, экономист из семьи инвестиционных банкиров Селигменов. Речь Варбурга привела Торговую ассоциацию Нью-Йорка в такой восторг, что они распространили 30 тыс. копий этой речи весной 1910 г. Варбург тщательно подготовил почву для этой акции Торговой ассоциации, регулярно встречаясь с членами ее Комитета по денежному обращению начиная с осени 1908 г. Усилиям Варбурга помогло и то, что постоянным экспертом этого комитета был Джозеф Френч Джонсон.

Той же весной 1910 г. многочисленные тома исследований НКДО по различным аспектам банковской деятельности заполнили рынок. Целью было представить общественности впечатляющий парад аналитических и исторических изысканий, якобы «научных» и «независимых», но на самом деле предназначенных для дальнейшего продвижения идеи создания центрального банка.

Кульминация на острове Джекил

После того, как была проведена подготовительная работа по укоренению идеи центрального банка среди ученых, банкиров и заинтересованной общественности, во второй половине 1910 г. настало время сформулировать конкретный практический план и направить пропагандистские усилия на его воплощение в жизнь. Как писал Варбург в книге *Reform of the Currency*, изданной Академией политических наук, «продвижение вперед возможно только при условии разработки конкретного плана», чтобы задать рамки обсуждения.

Движение за учреждение центрального банка приступило к стадии реализации конкретного плана. В авангарде выступила готовая на все Академия политических наук Колумбийского университета, которая в ноябре 1910 г. совместно с Торговой палатой и Торговой ассоциацией Нью-Йорка провела конференцию по вопросам денег. На этом конклаве, делегаты которого отбирались губернаторами 22 штатов и президентами 24 торговых палат, члены НКДО были почетными гостями. Конференцию также посетили многие экономисты, специалисты по вопросам денег и ведущие банкиры страны. На ней присутствовали Фрэнк Вандерлип, Элиу Рут, Джейкоб Шифф, Томас Ламонт, партнер банка Моргана, и сам Дж. П. Морган. На формальных заседаниях

конференции были представлены доклады Лафлина, Джонсона, Буша, Варбурга и Конанта. Стюарт Паттерсон, декан Юридического колледжа Университета Пенсильвании и член комитета по финансам Pennsylvania Railroad, входившей в орбиту Моргана, который был председателем первого Денежного конвента Индианаполиса и членом Денежной комиссии Индианаполиса, отдал собравшимся войскам приказ о наступлении. Он вспомнил великий урок Денежного конвента Индианаполиса — каким образом его предложения одержали победу: «Мы разъехались по домам и организовали наступательное и активное движение». Затем он призвал войска: «Это именно то, что вы должны сделать сейчас, вы должны поддержать сенатора Олдрича. Вы должны добиться, чтобы законопроект, который он разрабатывает... получил поддержку во всех уголках страны».

Теперь, когда движение было полностью подготовлено, настало время для сенатора Олдрича писать законопроект. Или, точнее, настало время для сенатора, окруженного несколькими высшими предводителями финансовой элиты, уединиться и разработать подробный план, вокруг которого смогут сплотиться все части движения за центральный банк. Кто-то, возможно, Генри Дэвисон, предложил собрать небольшую группу высших руководителей на сверхсекретное совещание, чтобы написать законопроект. Энергичный Дж. П. Морган созвал роскошную приватную конференцию в престижном месте отдохновения миллионеров — в Jekyll Island Club на острове Джекил, штат Джорджия. Морган был совладельцем этого клуба. 22 ноября 1910 г. сенатор Олдрич с небольшой группой компаньонов отправились под вымышленными именами в специально заказанном отдельном вагоне из Хобокена, штат Нью-Джерси к побережью штата Джорджия якобы на утиную охоту.

Участники совещания работали целую неделю в шикарном местечке на острове Джекил и выработали проект закона о Федеральной резервной системе. На этом сверхсекретном совещании присутствовало всего шесть человек, и эти шестеро являлись точным слепком структуры альянса банкиров, возглавивших движение за создание центрального банка. В число участников совещания, помимо самого Олдрича (родственника Рокфеллера), входили: партнер Моргана Генри Дэвисон; партнер фирмы Kuhn, Loeb Пол Варбург; вице-президент банка Рокфеллера National City Bank of New York Фрэнк Вандерлип; президент банка Моргана First National Bank of New York Чарльз Нортон; профессор Пиат Эндрю, глава исследовательского подразделения НКДО, который был недавно назначен заместителем министра финансов в администрации президента Тафта и специалист, который работал одновременно и в лагере Рокфеллера и лагере Моргана.

Участники совещания выработали законопроект Олдрича, который лишь с небольшими изменениями станет Законом о Федеральном резерве от 1913 г. Единственное существенное разногласие на острове Джекил было чисто тактическим: Олдрич пытался прямолинейно придерживаться европейской модели центрального банка, тогда как Варбург, поддерживаемый другими банкирами, настаивал на том, что политические реалии требуют, чтобы централизованный контроль был закамуфлирован под «децентрализацию». Более реалистичная, варбургская двуличная тактика одержала верх.

Олдрич представил документ, выработанный на острове Джекил, с небольшими поправками полному составу НКДО как законопроект Олдрича в январе 1911 г. Почему же Конгресс принял Закон о Федеральном резерве лишь в декабре 1913 г.? Задержка во времени произошла в результате победы демократов на выборах в палату представителей в 1910 г. и возникновения угрозы, что демократы займут Белый Дом в 1912 г. Реформаторам пришлось перегруппироваться, убрать из законопроекта имя Олдрича, слишком явно ассоциирующееся с республиканцами, и выдвинуть его как демократический законопроект от имени конгрессмена от Виргинии Картера Гласса. Но несмотря на задержку и многочисленные конкурирующие проекты структура Федерального резерва, принятая большинством голосов в декабре 1913 г., осталась практически той же, что и в законопроекте, появившемся на свет в результате тайного совещания на острове Джекил три года назад. Успешная агитация легко объединила вокруг проекта банкиров, деловое сообщество и всю общественность.

Ведущие банкиры сразу поддержали законопроект. Еще в феврале 1911 г. Олдрич организовал закрытую конференцию 23 ведущих банкиров в Атлантик-Сити. Эта конференция не только одобрила план Олдрича, но и дала понять, что «реальная цель конференции заключалась в том, чтобы обсудить, как убедить сообщество банкиров в необходимости правительственного контроля, который будут осуществлять банкиры в своих собственных целях». В ходе конференции крупные банкиры также поняли, что план Олдрича «усилит крупные национальные банки в их конкуренции с быстро растущими банками штатов и поможет установить над ними контроль»[54].

К ноябрю 1911 г. без особых затруднений под знамена плана Олдрича была поставлена вся Американская банковская ассоциация. Угроза бунта мелких банков была устранена, и банковское сообщество страны теперь сплоченно поддерживало план создания центрального банка. Наконец, после многочисленных зигзагов,

после того, как имя Олдрича было изъято из законопроекта, а сам Олдрич решил не переизбираться в 1912 г., Закон о Федеральном резерве был принят большинством голосов 22 декабря 1913 г. и вступил в силу в ноябре следующего года. Как ликующе заявил Бартон Хэпберн на ежегодном собрании Американской банковской ассоциации в конце августа 1913 г., «эта мера признает и принимает на вооружение принципы функционирования центрального банка. Безусловно, если она будет работать так, как и надеются авторы закона, все инкорпорированные банки станут совместными собственниками центральной доминирующей власти»[55].

Федеральный резерв: инфляция, контролируемая Морганом

Федеральная резервная система, наконец, дала Америке центральный банк. Усилия крупных банкиров в конце концов увенчались успехом. В соответствии с принципами централизованной банковской системы, сформулированными в законе Пиля, Федеральный резерв получил монополию на эмиссию всех банкнот, национальные банки, так же как и банки штатов, могли эмитировать только депозиты, а депозиты должны были погашаться банкнотами Федерального резерва и по крайней мере номинально, золотом. Все национальные банки «заставили» стать членами Федеральной резервной системы («принуждение», к которому они так давно стремились), что означало: резервы национальных банков должны храниться в форме депозитов до востребования, или чековых счетов, в Федеральном резерве. Федеральный резерв теперь стал выступать в роли кредитора в последней инстанции, и, имея за спиной престиж, власть и ресурсы Министерства финансов США, он мог проводить инфляцию более последовательно, чем банки Уолл-стрит в условиях Национальной банковской системы. Кроме того, он мог проводить политику инфляции даже в периоды спадов для спасения банков. Федеральный резерв мог теперь попытаться оградить экономику от рецессий, в ходе которых ликвидируются необоснованные инвестиции, сделанные во время инфляционного бума, и попытаться осуществлять инфляцию постоянно.

В новых условиях даже национальным банкам не нужно было держаться за золото, они могли положить золото в сейфы Федерального резерва и получить резервы, на основе которых могли скоординированно в национальном масштабе раздувать денежную массу и строить пирамиду кредитной экспансии. Более того, теперь, когда резервы были централизованы в сейфах Федерального резерва, резервы банка можно было использовать более «экономно», как выражались апологеты централизованной банковской системы, т.е. на базе данного объема резервов золота можно было создавать больший объем инфляционного кредита, больше банковских «фальшивых денег». Теперь в американской экономике существовало три перевернутые инфляционные пирамиды банковского кредита: Федеральный резерв создавал пирамиду своих банкнот и депозитов сверх находящегося в его распоряжении централизованного запаса золота; национальные банки строили пирамиду из банковских депозитов сверх своих резервных депозитов в Федеральном резерве; а банки штата, которые решили не присоединяться к Федеральной резервной системе, могли держать свои депозиты в национальных банках и на их базе строить пирамиду из своих кредитов. Находясь у основания пирамиды, Федеральный резерв мог контролировать инфляцию, определяя величину резервов для банков — членов системы.

Чтобы придать дополнительный импульс денежной инфляции, вновь созданная Федеральная резервная система наполовину понизила средний минимум обязательных резервов для бывших национальных банков. Если до учреждения Федерального резерва национальные банки должны были резервировать в среднем 20% от открытых депозитов до востребования, и соответственно строить пирамиду из инфляционных денег и кредитов в соотношении 5:1, то Федеральный резерв вдвое снизил минимальные резервные требования к национальным банкам (до 10%), в 2 раза повысив верхнюю границу банковской инфляции в стране (до соотношения 10:1).

Создание Федеральной резервной системы удачно совпало с началом Первой мировой войны в Европе. Существует общепринятое мнение, что только благодаря новой системе США смогли вступить в войну и не только финансировать свои собственные военные нужды, но и предоставлять значительные займы союзникам. За время войны Федеральный резерв приблизительно удвоил денежную массу в США и соответственно цены также выросли в 2 раза. Для тех, кто считает, что вступление США в Первую мировую войну было одним из самых ужасных событий XX в., повлекшим за собой катастрофические последствия как для США, так и для Европы, возможность вступления США в войну едва ли является убедительным аргументом в пользу Федерального резерва.

И по форме и по содержанию Федеральная резервная система представляет собой удобное партнерство

государства с крупными банками, банковский картель, созданный и поддерживаемый государством, о котором давно мечтали крупные банкиры. Многие критики Федерального резерва не устают указывать на то, что согласно закону Федеральной резервной системой владеют частные банкиры, но на самом деле это лишь юридическая формальность. Прибыли от операций Федерального резерва (и соответственно возможные прибыли составляющих его банков) изымаются Министерством финансов путем налогообложения. Выгода для банкиров от существования Федерального резерва заключается не в получении юридической прибыли от проводимых им операций, а самой сути операций — выполнении функции координации и поддержки банковской кредитной инфляции. Эти выгоды затмевают любую возможную прямую выгоду от банковских операций Федерального резерва.

С самого начала руководящим органом Федерального резерва является Совет Федерального резерва в Вашингтоне, члены которого назначаются президентом с одобрения Сената. Совет наблюдает за 12 «децентрализованными» региональными Федеральными резервными банками. Их руководители назначаются частными банками соответствующего региона, но кандидатуры должны пройти утверждение вашингтонского Совета.

С момента создания Федерального резерва и до «реформ» 1930-х годов основной контроль над Федеральным резервом находился в руках не Совета, а Управляющего (теперь называемого Президентом) Федерального резервного банка Нью-Йорка, главного человека Уолл-стрит в системе Федерального резерва [56].

Основным инструментом контроля со стороны Федерального резерва за денежным обращением и банковской системой являются проводимые им «операции на открытом рынке», т.е. покупка и продажа государственных ценных бумаг США (или в действительности любых других активов по его желанию) на открытом рынке (Как это происходит, мы рассмотрим ниже.). Поскольку рынок государственных облигаций находился на Уоллстрит, Управляющий Федерального резервного банка Нью-Йорка практически единолично контролировал операции на открытом рынке этого банка, и следовательно, самого Федерального резерва. Однако с 1930-х годов имеющая ключевое значение политика Федерального резерва в отношении операций на открытых рынках определяется Федеральным комитетом открытого рынка, находящимся в Вашингтоне и состоящим из 12 человек — семи членов Совета управляющих и пяти президентов Федеральных резервных банков, ротация которых осуществляется по весьма непростой схеме.

Процесс учреждения и функционирования государственного регулирования картельного типа состоит из двух важных этапов. И в ходе нашего анализа ни одним из них нельзя пренебрегать. Этап первый заключается в принятии закона и установлении структуры. На втором этапе для управления созданной системой подбирается соответствующий персонал: какой смысл, например, для крупных банкиров учреждать картель, а затем увидеть, что управление им попало в «чужие» руки. Однако традиционные историки, не приспособленные для анализа властной и правящей элиты, обычно не справляются со второй ключевой задачей — показать, кто именно будет руководить новой системой.

При рассмотрении процесса создания и первых лет функционирования Федерального резерва, становится очевидно, что и кадровую и денежно-финансовую политику Федерального резерва определяла империя Морганов.

Доминирование Морганов отразилось не только в составе первого Совета Федерального резерва. В то время из семи членов Совета двое становились ими автоматически благодаря служебному положению — министр финансов и контролер денежного обращения, регулятор национальных банков, который является чиновником Министерства финансов. Министром финансов в администрации Вильсона был его зять Уильям Мак-Аду, неудачливый бизнесмен и железнодорожный магнат из Нью-Йорка, который подружился с Дж. П. Морганом и ею партнерами, когда те вытаскивали его из финансовой ямы. Оставшуюся часть своей финансовой и политической жизни Мак-Аду провел в окружении Моргана. Контролером денежного обращения являлся давний знакомый Мак-Аду Джон Скелтон Уильямс. Уильямс был банкиром из Виргинии, директором Hudson & Manhattan Railroad, принадлежавшей Мак-Аду и контролируемой Морганом, и президентом компании Seaboard Airline Railway, также входящей в сферу интересов Моргана.

Эти чиновники Министерства финансов были надежными людьми Моргана в Совете Федерального резерва, но они были членами Совета только в силу своего служебного положения. Управляющим (сейчас это Председатель) первого Совета был Чарльз Хэмлин, которого Мак-Аду назначил заместителем министра финансов, как и Уильямса. Хамлин был адвокатом из Бостона, который женился на представительнице богатой семьи Пруин из города Олбани, имеющей давние связи с New York Central Railroad, которую контролировал Морган. Другим членом Совета Федерального резерва, который сменил Хамлина на посту

Управляющего, был Уильям Хардинг, протеже сенатора от Алабамы Оскара Андервуда, тесть которого Джозеф Вудворд был вице-президентом

First National Bank of Birmingham в Алабаме и главой компании Woodward Iron Company, в правление которой входили люди и Моргана, и Рокфеллера. Тремя другими членами правления были Пол Варбург, Фредерик Делано, дядя Франклина Рузвельта и президент Wabash Railroad, контролируемой Рокфеллером, а также профессор экономики из Университета Беркли Адольф Миллер, который был женат на представительнице богатой семьи Спрагов из Чикаго, тоже имеющей связи с Морганом[57].

Таким образом, если не считать двух людей Моргана, которые входили в состав Совета благодаря своему служебному положению, то мы увидим, что в Совет Федерального резерва в Вашингтоне при его создании входили: один надежный человек Моргана, два компаньона Рокфеллера (Делано и глава близкого союзника Рокфеллера Kuhn, Loeb), а также два человека неопределенной аффилированности — известный банкир из Алабамы и экономист с неясными семейными связями в кругах Моргана. Хотя состав Совета более или менее отражал расклад сил на решающем совещании на острове Дже-кил, он вряд ли мог гарантировать безусловный контроль Моргана над национальной банковской системой.

В действительности этот контроль был гарантирован клановой принадлежностью человека, выдвинутого на важнейший пост Управляющего Федерального резерва Нью-Йорка, к тому же обладающего личными качествами, которые позволили ему захватить всю власть, какую только могла предоставить структура Федерального резерва. Этим человеком, железной рукой правившим Федеральной резервной системой с момента ее создания до своей смерти в 1928 г., был Бенджамин Стронг[58].

Фактически вся предшествовавшая жизнь Бенджамина Стронга была подготовкой к принятию власти в Федеральном резерве. Стронг был давним протеже безгранично влиятельного Генри Дэвисона, партнера номер два банка Моргана, возглавляемого самим Дж. П. Морганом, и преуспевающим руководителем всемирной империи Моргана. Стронг был соседом Дэвисона по шикарному в то время пригороду Нью-Йорка Энглвуду, (штат Нью-Джерси), где его самыми близкими друзьями, кроме Дэвисона, стали два других компаньона Моргана — Дуайт Морроу и главный протеже Дэвисона как компаньона Моргана Томас Ламонт. Когда Морганы создали в 1903 г. Bankers Trust Company для работы на новом растущем трастовом рынке, Дэвисон назначил Стронга секретарем компании, а к 1914 г. Стронг женился на дочери президента фирмы и сам впоследствии стал президентом Bankers Trust. Кроме того, Дэвисоны какое-то время занимались воспитанием детей Стронга после смерти его первой жены, более того, Стронг служил личным ревизором у Дж. П. Моргана во время паники 1907 г.

Стронг активно публично выступал в поддержку первоначального плана Олдрича и принимал участие в длительном совещании по этому плану в августе 1911 г. вместе с сенатором Дэвисоном, Вандерлипом и несколькими другими банкирами на яхте Олдрича. Стронг был сильно разочарован предлагаемой структурой Федерального резерва, так как он хотел видеть «настоящий центральный банк... управляемый советом директором из Нью-Йорка, непосредственно из гущи событий», т.е. центральный банк, открыто и откровенно управляемый из Нью-Йорка, в котором доминирующее положение занимал бы Уолл-стрит. После уикенда, проведенного за городом, Дэвисон и Варбург уговорили Стронга изменить свое мнение и согласиться занять должность управляющего Федерального резервного банка Нью-Йорка. Можно предположить, что Дэвисон и Варбург убедили его в том, что Стронг как глава Федерального резервного банка сможет создать, пусть и не так открыто, банковский картель своей мечты с Уолл-стрит во главе. Точно так же, как на острове Джекил, Варбург смог убедить своих соратников уступить политическим реалиям и прикрыться вывеской децентрализации.

Сразу после вступления в должность управляющего Федерального резервного банка Нью-Йорка в октябре 1914 г. Стронг, не теряя времени, начал прибирать к рукам власть над Федеральной резервной системой. На организационном собрании ФРС был создан не предусмотренный законом Совет управляющих региональных Федеральных резервных банков. На первом же заседании совета Стронг захватил над ним контроль, став одновременно и председателем совета и председателем его исполнительного комитета. Даже после того, как У. П. Дж. Хардинг, два года спустя став управляющим Федерального резерва, распустил совет, Стронг сохранил доминирующее положение в Федеральном резерве, официально являясь единственным агентом по операциям на открытом рынке всех региональных Федеральных резервных банков. Влияние Стронга еще более укрепилось после вступления США в Первую мировую войну. До этого момента министр финансов в соответствии с законом и традицией, существовавшей со времен президента Джэксона, хранил государственный резерв в хранилищах, являющихся подразделениями Министерства финансов. Однако под давлением условий военного времени Мак-Аду осуществил давнишнюю мечту Стронга — стать единственным финансовым агентом Министерства финансов. С этого времени Министерство финансов начало размещать

свои средства в Федеральном резерве.

Этим дело не ограничилось: мероприятия военного времени ускорили необратимую национализацию золотых запасов американцев, централизацию золота в руках Федерального резерва. Эта централизация имела двойной эффект: она мобилизовала больше банковских резервов, позволяя расширить масштабы инфляции банковского кредита и координировать ее на национальном уровне, и отучила простых американцев от привычки использовать золото в повседневной жизни, заставив пользоваться заменяющими золото бумажными деньгами и чековыми счетами. В 1917 г. Закон о Федеральной резервной системе был изменен, разрешив Федеральному резерву эмитировать банкноты в обмен на золото, в то время как до этого он мог обменивать свои банкноты лишь на краткосрочные векселя. А с сентября 1917 г. по июнь 1919 г. США де-факто выходили из золотого стандарта по крайней мере в части погашения золотом долларов для иностранцев. Экспорт золота был запрещен, а валютнообменные сделки контролировались правительством. В результате этих мер золотой фонд Федерального резерва, который составлял 28% национального золотого запаса США в момент вступления страны в войну, к концу войны увеличился втрое и составлял 74% золотого запаса страны[59].

Содержание денежной политики Бенджамина Стронга представляло собой то, что можно было ожидать от представителя элиты империи Моргана. Как только в Европе разразилась война, Генри Дэвисон отбыл в Англию и, используя давние тесные связи Морганов с Англией, быстро смог добиться для Моргана статуса единственного агента на время войны по закупкам военного снаряжения для Англии и Франции. К тому же Морганы стали единственными андеррайтерами всех британских и французских облигаций, которые должны были быть размещены в США для оплаты огромного импорта оружия и других товаров из США. Банк J. P. Morgan and Company сделал огромную ставку на победу Британии и Франции, и Морганы, возможно, сыграли решающую роль в вовлечении якобы «нейтральных» Соединенных Штатов в войну на стороне Англии[60].

Возвышение Моргана во время Первой мировой войны сопровождалось относительным ослаблением Kuhn, Loeb. Kuhn, Loeb, наряду с другими известными германо-еврейскими инвестиционными банкирами Уолл-стрит, были на стороне Германии, и, разумеется, выступали против вступления Америки в войну на стороне Англии и Франции. В результате Пол Варбург был выведен из Совета Федерального резерва, того самого института, для создания которого он так много сделал. Из всех проанглийских финансовых кругов только Рокфеллеры, союзники Kuhn, Loeb и непримиримые конкуренты англо-голландской компании Royal Dutch Shell Oil в борьбе за мировые нефтяные рынки и ресурсы, были среди тех немногих, кто не проявлял энтузиазма по поводу вступления Америки в войну.

Во время Первой мировой войны Стронг, воспользовавшись своим влиянием в банковской системе, быстро удвоил денежную массу, для того чтобы финансировать военные расходы США и обеспечить победу Англии и Франции. Все это было лишь прелюдией к инспирированной Морганом финансовой и денежной политике 1920-х годов. В 1920-е годы Стронг тесно сотрудничал с управляющим Банком Англии Монтэгю Норманом. Он проводил в Америке политику денежно-кредитной инфляции, чтобы помочь Англии занять ведущие позиции в новой системе выхолощенного золотого стандарта, в рамках которой к тому же Великобритания и другие европейские страны установили завышенные курсы своих валют по отношению к доллару или золоту, что привело к хроническому падению экспорта и оттоку золота из Англии. Соединенные Штаты пытались этому противодействовать путем долларовой инфляции, чтобы остановить приток золота из Великобритании в США.

Новый курс и смещение Морганов

Морганы полностью доминировали в американской политике и финансах в 1920-х годах не только благодаря Бенджамину Стронгу. Президент Калвин Кулидж[61], который сменил союзника Рокфеллера президента Гардинга[62] после его смерти, был близким другом Дж. П. Моргана-младшего и политическим протеже своего однокашника по колледжу Американа Моргана Дуайта Морроу, а также другом Томаса Кокрэна, который также был компаньоном Моргана. Во всех республиканских администрациях 1920-х годов министром финансов был мультимиллионер, магнат из Питтсбурга Эндрю Меллон, чьи интересы давно переплелись с интересами Морганов. И хотя президент Герберт Гувер не был так тесно связан с Морганом, как Кулидж, он был весьма близок к окружению Моргана. Огден Миллс, который сменил Меллона на посту министра финансов в 1931 г. и был близок Гуверу, являлся сыном руководителя New York Central Railroad, принадлежавшей Морганам. Госсекретарем Гувер назначил Генри Стимсона, видного ученого и компаньона Элиу Рута, одно время бывшего личным юристом Моргана. Особенно показателен тот факт, что двумя неофициальными, но влиятельными советниками Гувера во время его правления были компаньоны Моргана

Томас Ламонт (сменивший Дэвисона на посту главного управляющего империи Моргана) и Дуайт Морроу, с которым Гувер регулярно консультировался 3 раза в неделю.

Большинство историков, к сожалению, игнорируют ключевой аспект первого периода рузвельтовского Нового курса: Новый курс представлял собой дворцовый переворот и избавление от господства Моргана. Оппозиционные финансовые группировки объединились в рамках Нового курса, чтобы совместными усилиями сбросить его с вершин власти. Этой коалицией был альянс Рокфеллеров, набирающих силу в демократической партии Гарриманов, новых и более нахальных еврейских инвестиционных банков с Уолл-стрит, таких, как Lehman Brothers и Goldman, Sachs, отодвигавших в тень Kuhn, Loeb, и таких представителей этнических групп, как ирландский католик Джозеф Кеннеди, итало-американцы, такие, как семья Джаннини из калифорнийского Bank of America, мормоны, такие, как Маринер Эклз, глава крупного конгломерата, объединяющего банковский холдинг и строительную компанию, из штата Юта, имеющий связи с калифорнийской строительной компанией Bechtel Corporation и компанией Рокфеллера Standard Oil of California.

Главным предвестником этой финансовой революции было успешное поглощение Рокфеллером флагмана коммерческих банков Моргана, могущественного Chase National Bank of New York. После краха 1929 г. Уин-троп Олдрич, сын сенатора Нельсона Олдрича и деверь Джона Рокфеллера-младшего, организовал слияние руководимого им банка Equitable Trust Company, контролируемого Рокфеллером, с Chase Bank. С этого момента Олдрич был вовлечен в титаническую борьбу внутри Chase, сумев к 1932 г. сместить главного управляющего банка Моргана Альберта Уиггина и сам занять его место. С тех пор Chase является главной штаб-квартирой финансовой империи Рокфеллеров.

В рамках Нового курса коалиция ловко провела Законы о банках от 1933 и 1935 гг., которые изменили облик Федерального резерва, безвозвратно передав основную власть в Федеральном резерве от Уолл-стрит, Моргана и Федерального резервного банка Нью-Йорка политикам в Вашингтоне. Федеральный резервный банк Нью-Йорка был лишен права проводить операции на открытом рынке, которое передавалось в руки Федерального комитета открытого рынка Федерального резерва, в котором господствующие высоты занимал вашингтонский Совет Федерального резерва, а в роли второстепенных младших партнёров выступали региональные частные банкиры[63].

Другим важным изменением в области денег, осуществленным в ходе Нового курса, разумеется, под шумок депрессии и «чрезвычайного положения» в банковской системе, основанной на частичном резервировании, был выход из золотого стандарта. С 1933 г. банкноты Федерального резерва и депозиты перестали погашаться золотыми монетами американским гражданам, а с 1971 г. доллар не погашается золотыми слитками иностранным государствам и центральным банкам. Золото американцев было конфисковано и обменено на банкноты Федерального резерва, которые стали узаконенным платежным средством. Американцы стали жить в условиях неразменных бумажных денег, выпускаемых правительством и Федеральным резервом. С годами все предыдущие ограничения на деятельность Федерального резерва, т.е. на эмиссию кредита, были сняты. В самом деле начиная с 1980 г. Федеральный резерв обладает абсолютной властью делать практически все, что ему заблагорассудится: покупать не только государственные ценные бумаги США, но и любые активы в любом количестве и раздувать кредит в каких угодно масштабах. Федеральный резерв больше не связан никакими ограничениями. Он является полномочным хозяином в своих владениях.

Наблюдая за изменениями, вызванными Новым курсом, нам не следует жалеть Морганов. Хотя они были навсегда свергнуты с трона в ходе первого этапа Нового курса и больше не возвращались к власти, к концу 1930-х годов Морганы смогли занять свое место, хотя и более скромное, в правящей коалиции Нового курса. Там они сыграли важную роль в стремлении властной элиты вступить во Вторую мировую войну, в частности в войну в Европе, вновь на стороне Англии и Франции. Во время Второй мировой войны Морганы сыграли решающую закулисную роль в разработке Бреттон-Вудского соглашения совместно с Кейнсом и британцами, которое правительство США представило как свершившийся факт собравшемуся в Бреттон-Вудсе «свободному миру» ближе к концу войны[64].

Разумеется, со времен Второй мировой войны в финансовых кругах происходили постоянные перегруппировки. Морганы и другие финансовые группы заняли место младших партнеров в могущественном «восточном истэблишменте», лидерство в котором безоговорочно принадлежит Рокфеллерам. С тех пор эти группы, работая в тандеме, поставляют руководителей для Федеральной резервной системы. Так, нынешний председатель Федерального резерва Алан Гринспен до его восхождения на трон являлся членом исполнительного комитета флагманского коммерческого банка Морганов Morgan Guaranty Trust Company. Его глубоко чтимый предшественник на посту председателя Федерального резерва, харизматичный Пол Волкер был известной фигурой в империи Рокфеллеров, являясь экономистом принадлежащей Рокфеллерам

корпорации Еххон и их штаб-квартиры — Chase Manhattan Bank. (В ходе имеющего символическое значение слияния Chase поглотил флагманский коммерческий банк Kuhn, Loeb — Bank of Manhattan.) Это был действительно новый мир, хотя и не особенно дивный[65]. Хотя политической и финансовой власти восточного истеблишмента еще будет брошено немало вызовов со стороны нахальных неопитов и пиратов-захватчиков из Техаса и Калифорнии, сама Северо-восточная группировка, имеющая долгую историю, гармонично спланировалась под властью Рокфеллеров.

"Страхование" депозитов

Мы не рассмотрели еще одно важное нововведение, встроенное в финансовую систему США в ходе проведения Нового курса. В 1933 г. было объявлено о гарантиях, которые в будущем должны будут уберечь страну от повторения волны банковских банкротств, сотрясавших финансовую систему во время Великой депрессии. К приходу Франклина Рузвельта банковская система, основанная на частичном резервировании, практически развалилась, обнажив внутренне присущую ей неплатежеспособность. Это был самый подходящий момент для полной и реальной реформы, для очищения американской денежной системы, которое бы покончило, наконец, с лживостью и всеми соблазнами банковской деятельности, основанной на частичном резервировании. Вместо этого администрация Рузвельта пошла в противоположном направлении, что было неудивительно: она совершила крупномасштабное мошенничество по отношению к американской общественности, заявив о спасении нации от ненадежных банков при помощи новой Федеральной корпорации страхования депозитов (ФКСД). По заявлениям администрации, с этого момента все вкладчики банков «застрахованы» от убытков Федеральной корпорацией страхования депозитов, что фактически равносильно обещанию в случае кризиса предоставить крупные суммы для выплат по депозитам. Но в действительности это не более чем жульничество, ибо активы ФКСД составляют мизерную часть (1 или 2%) от объема депозитов, которые она собирается «страховать». Действенность такого государственного «страхования» можно оценить, взяв для примера крах в конце 1980-х годов ссудосберегательных учреждений. Депозиты этих банков с частичным резервированием предположительно были надежно «застрахованы» другим федеральным агентством ныне не существующей, но некогда расхваливаемой Федеральной корпорацией страхования сбережений и займов.

Ключевой проблемой «страхования» депозитов является мошенническое использование почтенного термина «страхование» для таких схем, как гарантирование депозитов. Настоящее страхование честно заслужило свою репутацию и вызывает положительные ассоциации у населения благодаря тому, что если оно осуществляется должным образом, то работает очень хорошо. Истинное страхование применяется, когда в будущем существует риск несчастного случая, не поддающийся контролю со стороны отдельного бенефициария, и когда вероятность наступления страхового случая может быть с высокой точностью предсказана заранее. В случае «страхуемых рисков» мы можем предсказать распределение неблагоприятных событий для больших чисел, но не в каждом конкретном случае: мы ничего не знаем об отдельном случае, кроме того, что он относится к определенному классу. Так, мы можем точно предсказать, сколько людей в возрасте 65 лет умрет в течение следующего года. В этом случае лица в возрасте 65 лет могут объединить ежегодные страховые взносы, и из этого фонда будут производиться выплаты тем, кому посчастливится прожить дольше других.

Однако, чем больше мы знаем об индивидуальных случаях, тем настоятельнее необходимость выделять их в отдельные классы. Так, если мужчины и женщины в возрасте 65 лет или люди с различным состоянием здоровья имеют различный уровень смертности, то их следует разнести по разным классам. Если это не будет сделано, и, скажем, больные и здоровые люди должны будут платить одинаковые страховые взносы во имя эгалитаристских идеалов, тогда это будет уже не страхование жизни, а скорее принудительное перераспределение доходов и богатства.

Точно так же, чтобы являться «страхуемым», несчастный случай должен находиться вне контроля отдельного бенефициария, иначе мы столкнемся с фатальным пороком «морального риска», и схема вновь перестает быть истинным страхованием. Таким образом, если в каком-нибудь городе существует страхование от пожара, основывающееся на среднем количестве пожаров в различных типах зданий, но застрахованным позволяется безнаказанно устраивать пожары, чтобы получать страховые выплаты, то истинное страхование вновь уступает место перераспределительному рэкету. Аналогично обстоят дела и в медицине. Такие специфические болезни, как аппендицит, могут быть предсказаны для больших классов людей и соответственно застрахованы, но просто факт прихода к врачу или неопределенные жалобы не являются

страхуемыми, так как эти действия находятся под полным контролем страхующегося и не могут быть предсказаны страховыми компаниями.

Существует много причин, почему коммерческие фирмы на рынке никаким образом не могут быть «застрахованы», и почему само применение этой концепции к фирме является абсурдным и мошенническим. Сама сущность «рисков» или неопределённость, с которой сталкиваются предприниматели, представляет собой полную противоположность измеряемого риска, который может быть смягчен страхованием. Страхуемые риски, такие, как смерть, пожар (если он не устроен самим страхующимся), несчастный случай или аппендицит являются однородными, повторяемыми, случайными событиями и поэтому могут быть сгруппированы в однородные классы, поведение которых можно предсказать для больших чисел. Но действия и события на рынке, являясь часто похожими, по сути своей уникальны, неоднородны и не являются случайными, а, наоборот, оказывают влияние друг на друга и поэтому не подлежат страхованию по своей природе; их невозможно объединить в измеримые заранее однородные классы. Предприниматель является именно тем человеком, который сталкивается и принимает на себя не страхуемые по своей природе рыночные риски[66].

Но если никакую коммерческую фирму невозможно «застраховать», то как можно застраховать банк, проводящий политику частичного резервирования! Ведь родовым признаком банков с частичными резервированием является именно неплатежеспособность, и эта неплатежеспособность будет обнаружена, как только обманутая публика поймет, что происходит, и будет настаивать на возвращении денег, которые, как она ошибочно думала, надежно хранятся в ближайшем банке. Если никакую коммерческую фирму невозможно «застраховать», то отрасль, состоящая из сотен неплатежеспособных фирм — это последнее, в связи с чем можно с серьезным выражением лица говорить о «страховании». «Страхование депозитов» — это просто мошеннический рэккет, причем весьма жестокий, потому что может отнять накопления всей жизни и денежные запасы всего населения.

Федеральный резерв как генератор инфляции

Теперь, когда мы исследовали природу частичного резервирования и централизованной банковской системы и узнали, как Америке были навязаны сомнительные блага централизованной банковской системы, пришла пора рассмотреть, как Федеральный резерв в его нынешнем виде осуществляет контроль над американской денежной системой и вызывает систематическую инфляцию.

В соответствии с духом постпилевских законов о центральном банке Федеральный резерв обладает монополией на эмиссию всех банкнот. Министерство финансов США, которое выпускало бумажные деньги в виде грин-беков в период гражданской войны, до 16 августа 1968 г. продолжало выпускать однодолларовые «серебряные сертификаты», погашаемые серебряными слитками или монетами в Министерстве финансов. Сейчас Министерство финансов отказалось от выпуска банкнот, оставив функции по эмиссии всех бумажных банкнот в стране, или «наличных», Федеральному резерву. И это не все. Со времени отказа США от золотого стандарта в 1933 г. банкноты Федерального резерва являются узаконенным платежным средством для погашения всех государственных или частных денежных задолженностей.

Банкноты Федерального резерва, узаконенная монополия на эмиссию наличных, или «стандартных» денег, сейчас служит базой для двух перевернутых пирамид, определяющих объем денежной массы в стране. Конкретнее, основное ядро активов Федеральных резервных банков состоит из двух частей. Во-первых, это золото, конфискованное у населения и позднее сосредоточенное в Федеральном резерве. Любопытно, что хотя обязательства Федерального резерва больше не погашаются золотом он хранит свое золото в Министерстве финансов, которое выпускает «золотые сертификаты», как утверждает, на 100% обеспеченные золотыми слитками, хранящимися в Форте-Ноксе и других хранилищах Министерства финансов. Нет ничего удивительного в том, что единственный честный складской бизнес, сохраняющийся в денежной системе, касается только отношений между двумя агентствами федерального правительства: Федеральный резерв заботится о том, чтобы 100%-ное обеспечение выданных ему расписок Министерства финансов находилось в хранилищах последнего, при том, что ни одному из своих кредиторов этой высокой привилегии Федеральный резерв не предоставляет.

Другим крупным активом, принадлежащим Федеральному резерву, являются государственные ценные бумаги, которые он приобретал и накапливал на протяжении десятилетий. В графе обязательств мы также видим две основные цифры: депозиты до востребования, открытые коммерческими банками и

представляющие собой резервы этих банков, и банкноты Федерального резерва, наличные, эмитируемые Федеральным резервом. Федеральный резерв находится в уникальном и завидном положении — его обязательства в форме банкнот Федеральных резервных банков имеют статус узаконенного платежного средства. Короче говоря, его обязательства — банкноты Федеральных резервных банков — являются стандартными деньгами. Более того, другая разновидность его обязательств — депозиты до востребования — погашаются держателям депозитов (т.е. банкам, которые являются вкладчиками или «клиентами» Федерального резерва) этими же банкнотами, которых Федеральный резерв, разумеется, может напечатать столько, сколько захочет. В отличие от времен золотого стандарта сегодня Федеральный резерв не может обанкротиться. Он имеет монополию на фальшивомонетничество (создание денег из воздуха) во всей стране.

Сейчас американская банковская система представляет собой два ряда перевернутых пирамид. Коммерческие банки строят пирамиды из кредитов и депозитов на базе своих резервов — депозитов до востребования в Федеральных резервных банках. Сам Федеральный резерв определяет свои собственные обязательства очень просто: покупая и продавая активы, которые в свою очередь увеличивают или уменьшают резервы банка на ту же сумму.

В основании пирамиды Федерального резерва и следовательно, способности банковской системы создавать «деньги» в виде депозитов, лежит право Федерального резерва печатать узаконенные платежные средства. Но Федеральный резерв старается печатать не деньги, а «печатать» или создавать из чистого воздуха депозиты до востребования, чековые депозиты, так как депозиты до востребования, открытые в Федеральном резерве, представляют собой резервы, на основе которых коммерческие банки могут создавать многократно больший объем банковских депозитов или «чековых денег».

Посмотрим, как это происходит. Предположим, что «денежный мультипликатор» — коэффициент, определяющий возможности коммерческих банков эмитировать депозиты на основе своих резервов, составляет 10:1. Этот коэффициент является величиной, обратной уровню обязательных резервов, который устанавливается Федеральным резервом. Для разных типов банков устанавливается свой уровень обязательных резервов. Почти всегда, если банки имеют право создавать 10-кратный кредит по отношению к своим резервам, они будут это делать, потому что именно так они зарабатывают свои деньги. В конце концов фальшивомонетчик всегда старается печатать столько фальшивых денег, сколько он способен сбыть безнаказанно. Предположим, что Федеральный резерв решил увеличить денежную массу на 10 млрд долл. Если денежный мультипликатор равен 10, то Федеральный резерв приобретет на открытом рынке активы (как правило, государственные ценные бумаги США) на 1 млрд долл.

Этот процесс, проходящий в два этапа, отражен в табл. 10 и 11. Вначале Федеральный резерв отдает приказ своему агенту на открытом рынке в Нью-Йорке приобрести государственные облигации США на 1 млрд долл.

Для покупки этих бумаг Федеральный резерв выписывает чек на 1 млрд долл. на самого себя — Федеральный резервный банк Нью-Йорка. Затем переводит этот чек дилеру по государственным облигациям, скажем, инвестиционному банку Goldman, Sachs, в обмен на государственные облигации США на сумму 1 млрд долл. Goldman, Sachs идет в коммерческий банк, допустим, Chase Manhattan, депонирует там свой чек, выписанный на Федеральный резерв, и в обмен увеличивает свой депозит до востребования в Chase Manhattan на 1 млрд долл.

Где Федеральный резерв берет деньги, чтобы оплатить покупку облигаций? Он создает деньги из чистого воздуха, просто выписывая чек на самого себя. Ловкий фокус, если это сходит вам с рук!

Банк Chase Manhattan, довольный тем, что получил чек на Федеральный резерв, устремляется в банк Федерального резерва в Нью-Йорке и кладет чек на свой счет, увеличивая свои резервы на 1 млрд долл. Таблица 10 показывает, что произошло к завершению первого этапа.

Таблица 10

Федеральный резерв покупает облигации на 1 млрд долл.:

прямой результат

Коммерческие банки

Активы

Акционерный капитал + Пассивы

Депозиты в Федеральном резерве (резервы): + 1 млрд долл. Депозиты до востребования (на имя Goldman, Sachs): + 1 млрд долл.

Федеральный резерв

Государственные ценные бумаги: + 1 млрд долл. Депозиты до востребования банкам (на имя Chase Manhattan): +1 млрд долл.

Совокупная денежная масса в стране в каждый момент времени равняется общему количеству стандартных денег (банкноты Федерального резерва) плюс депозиты на руках у населения. Обратите внимание, что непосредственным результатом покупки Федеральным резервом государственных облигаций на сумму 1 млрд долл. на открытом рынке является увеличение совокупной денежной массы на 1 млрд долл.

Но это только первый, непосредственный результат. Поскольку мы живем в условиях банковской системы с частичным резервированием, очень скоро возникают и другие последствия. В резервах банковской системы появляются дополнительный 1 млрд долл., соответственно банковская система начинает расширять предложение денег и кредита; экспансия, начавшись в банке Chase Manhattan, быстро распространяется на другие банки финансовой системы. За короткий период, около двух недель, вся банковская система увеличит кредитно-денежную массу еще на 9 млрд долл., доведя увеличение денежной массы до 10 млрд долл. Такого действия эффекта «рычага», или эффекта «мультипликации», связанного с изменением банковских резервов и определяющих уровень этих резервов операций Федерального резерва по купле-продаже активов на открытом рынке. Таблица 11 показывает последствия приобретения Федеральным резервом государственных облигаций на сумму 1 млрд долл., которые проявляются спустя несколько недель.

Таблица 11

Федеральный резерв покупает облигации на сумму 1 млрд долл.:

результат через несколько недель

Коммерческие банки

Активы

Займы и ценные бумаги: + 9 млрд долл.

Депозиты в Федеральном резерве (резервы): + 1 млрд долл.

Акционерный капитал + Пассивы

Депозиты до востребования: + 10 млрд долл.

Федеральный резерв

Государственные ценные бумаги: + 1 млрд долл.

Депозиты до востребования банков: +1 млрд долл.

Обратите внимание, что баланс Федерального резерва остается неизменным (хотя в процессе расширения кредита отдельными банками резервы перемещаются с депозитов одних банков на депозиты других, которые после этого подключаются к общей экспансии). Изменение в сумме баланса произошло у коммерческих банков, построивших пирамиду из кредитов и депозитов на базе первоначального прироста резервов и увеличивших совокупную денежную массу на 10 млрд долл.

Становится понятным, почему Федеральный резерв оплачивает покупку активов чеком, выписанным на самого себя, а не эмиссией банкнот Федерального резерва. Только используя чеки, он может увеличить денежную массу в 10 раз. Именно депозиты Федерального резерва служат базой для построения [кредитных] пирамид коммерческими банками. С другой стороны, право эмиссии денег дает Федеральному резерву возможность погашать свои депозиты. Федеральный резерв осуществляет эмиссию бумажных денег (банкнот Федерального резерва) только если население снимает наличные со своих банковских счетов, заставляя коммерческие банки уменьшать свои депозиты в Федеральном резерве. Федеральный резерв хочет, чтобы публика в максимальной степени пользовалась чеками, а не наличными деньгами, поскольку в этом случае Федеральный резерв может контролировать темпы кредитной экспансии.

Если Федеральный резерв покупает активы, он увеличивает совокупную денежную массу на эту сумму немедленно, и спустя несколько недель — на сумму, определяемую кратностью, в соответствии с которой банкам позволено создавать кредитные пирамиды сверх своих новых резервов. Если он продает актив (обычно государственные облигации США), это будет иметь зеркальный эффект. Вначале денежная масса уменьшится на величину, равную сумме цен проданных облигаций, а спустя несколько недель она уменьшится в кратное число раз, скажем, на десять таких сумм.

Таким образом, основным инструментом контроля Федерального резерва над банками являются

«операции на открытом рынке», покупка или продажа активов, главным образом государственных облигаций. Другим мощным инструментом контроля является изменение резервных требований. Если банки должны держать не менее 10% своих депозитов в виде резервного фонда, а Федеральный резерв вдруг понизит этот уровень до 5%, то денежная масса, т.е. сумма банковских депозитов, резко и очень быстро удвоится. И наоборот, если норма резервирования внезапно повысится до 20%, то денежная масса быстро сократится наполовину. В 1930-е годы Федеральный резерв, проводивший политику накачки банковских резервов, неожиданно запаниковал по поводу инфляционного потенциала своих мероприятий и в 1938 г. удвоил норму обязательного резервирования до 20%, введя экономику в неуправляемый штопор ликвидации кредитов. С тех пор Федеральный резерв стал очень осторожен в отношении степени изменений резервных требований. Федеральный резерв достаточно часто изменяет нормы обязательного резервирования, но каждое изменение является очень незначительным — буквально доли процента. Разумеется, эти изменения направлены в сторону понижения: постоянное снижение резервных требований увеличивает кратность инфляции банковского кредита. Так, до 1980 г. средний минимум обязательных резервов составлял около 14%, затем он был снижен до 10% и менее, и Федеральный резерв, если захочет, имеет сейчас право снизить его до нуля.

Таким образом, Федеральный резерв имеет почти абсолютное право определять денежную массу, если он того захочет[67]. С годами направленность его операций становилась все более последовательно инфляционной. Не только из-за тенденции к снижению резервных требований к банкам, но и ввиду постоянного роста его портфеля государственных облигаций, что придавало постоянный инфляционный импульс экономической системе. Начав с нуля, к 1921 г. Федеральный резерв приобрел государственных облигаций на сумму около 400 млн долл., а к 1932 г. — на 2,4 млрд долл. К концу 1981 г. портфель государственных ценных бумаг США Федерального резерва тянул уже на сумму не менее чем в 140 млрд долл., к середине 1992 г. общая сумма составила 280 млрд долл. Вряд ли можно придумать более убедительный образ инфляционного импульса, который Федеральный резерв постоянно сообщал и продолжает сообщать нашей экономике.

Что можно сделать

Теперь должно быть абсолютно ясно, что мы не можем рассчитывать на Алана Гринспена или любого другого председателя Федерального резерва, что он будет вести борьбу против хронической инфляции, которая погубила наши сбережения, изуродовала нашу валюту, осуществила скрытое перераспределение доходов и богатства и принесла с собой разрушительные экономические бумы и кризисы. Вопреки пропаганде истэблишмента Гринспен, Федеральный резерв и частные коммерческие банки не являются «инфляционными ястребами», как они любят себя называть. Федеральный резерв и банки не являются частью решения проблемы инфляции, наоборот, они являются частью проблемы. Фактически, они и есть сама проблема. Американская экономика страдает от хронической инфляции, от разрушительных бумов и кризисов, потому что инфляция непрерывно порождается самим Федеральным резервом. Эта роль, по сути, и является целью его существования: объединить частные коммерческие банки в картель и помочь им развязать инфляцию денег и кредита, накачивая резервы в банки и оказывая им финансовую помощь, когда они попадают в трудные ситуации. Когда картель крупных банков и нанятые им экономисты навязывали Федеральный резерв стране, они говорили нам, что Федеральный резерв необходим для обеспечения стабильности экономической системы. Когда Федеральный резерв был уже создан, в 1920-е годы экономисты правящей верхушки и банкиры заявили, что в американской экономике наступила замечательная Новая эра, когда Федеральный резерв, используя современные научно обоснованные методы, стабилизирует денежную систему и исключит повторение экономических циклов в будущем. И что мы имеем в результате: невозможно отрицать, что с тех пор как в 1914 г. у нас появился Федеральный резерв, инфляция стала гораздо интенсивнее, а депрессии более глубокими, чем когда-либо прежде.

Существует только один-единственный способ искоренить хроническую инфляцию и избавиться от бумов и кризисов, порождаемых этой системой инфляционного кредита: необходимо ликвидировать фальшивомонетничество, являющееся и сутью и источником инфляции. И единственный способ сделать это — положить конец легализованному фальшивомонетничеству, т.е. упразднить Федеральную резервную систему и вернуться к золотому стандарту, к денежной системе, где денежным стандартом служит производимый рынком металл, такой, как золото, а не бумажные квитанции, печатаемые Федеральным резервом.

Хотя мы не имеем возможности в рамках данной книги вдаваться в сложные детали того, как это можно сделать, основные положения просты и понятны. Вернуться к золоту и упразднить Федеральный резерв,

причем сделать это одним махом, будет легко. Нужно лишь желание. Официально Федеральный резерв — это «корпорация», и прекратить ее деятельность можно точно так же, как прекращается деятельность любой другой корпорации, до такой же степени неплатежеспособной, как Федеральный резерв. Любая корпорация ликвидируется путем пропорционального разделения активов между ее кредиторами.

В табл. 12 приведена упрощенная картина активов Федерального резерва на 6 апреля 1994 г.

Таблица 12

Активы Федерального резерва на 6 Апреля, 1994 г., в млрд долл.

Золото	11
Ценные бумаги правительства США и другие федеральные ценные бумаги	345
Наличные деньги в обращении + Специальные Права Заимствования (СДР)	30
Прочие активы Федерального резерва	35
Итого:	421

За исключением золота все активы Федерального резерва легко ликвидируются. Ценные бумаги правительства США и других правительственных учреждений на сумму 345 млрд долл., принадлежащие Федеральному резерву, должны быть просто и незамедлительно отменены. Этот акт сразу же снизит обязательства налогоплательщиков по выплате государственного долга на 345 млрд долл. Действительно, с какой стати Министерство финансов облагает налогом налогоплательщиков, чтобы выплачивать проценты по облигациям, принадлежащим другому органу федерального правительства — Федеральному резерву? Налогоплательщиков эксплуатируют и грабят только для того, чтобы сохранять бухгалтерскую фикцию — видимость того, что Федеральный резерв является корпорацией, независимой от федерального правительства.

«Прочие активы Федерального резерва», будь то кредиты банкам или здания, принадлежащие Федеральному резерву, также следует списать, хотя некоторые активы, наверное, можно спасти.

Наличные деньги в обращении — просто старые бумажные деньги, эмитированные Министерством финансов, — должны быть сразу отменены, а СДР (8 млрд долл.) были бесперспективным экспериментом в области мировых правительственных денег, которые, как полагали кейнсианцы, станут основой новых мировых неразменных бумажных денег. И то и другое следует немедленно отменить.

У нас остается на 11 млрд долл. единственно реальных активов Федерального резерва — его золотой запас, которые должен обеспечивать приблизительно 421 млрд долл. обязательств Федерального резерва. Из общей суммы обязательств Федерального резерва приблизительно 11 млрд долл. — это «капитал», который должен быть списан при ликвидации, и 6 млрд долл. — это депозиты Министерства финансов в Федеральном резерве, которые должны быть аннулированы. Таким образом, мы имеем 11 млрд долл. золотого запаса против 404 млрд долл. обязательств.

К счастью для предлагаемого нами процесса ликвидации «11 млрд долл.» золотого запаса, по оценке Федерального резерва, — это «липа» чистой воды, так как золото оценено по совершенно произвольной «цене» 42,22 долл. за унцию. Федеральный резерв владеет 260 млн унций золота. Во сколько их следует оценить?

Золотой запас Федерального резерва должен быть переоценен в сторону повышения так, чтобы золотом можно было оплатить все обязательства Федерального резерва, в основном это банкноты и депозиты Федерального резерва, по 100 центов в долларе. Это означает, что золотой запас должен быть оценен так, чтобы 260 млн унциями золота можно было погасить 404 млрд долл. обязательств Федерального резерва.

До 1933 г. в условиях золотого стандарта цена золота была установлена на уровне 20 долл. за унцию. С 1933 г. по конец 1971 г., когда золотой стандарт был отменен, цена золота была зафиксирована на уровне 35 долл. за унцию золота. С 1971 г. мы живем в условиях неразменных бумажных денег, но золотой запас Федерального резерва произвольно оценен в соответствии с законами США по 42,22 долл. за унцию. Налицо явно абсурдная недооценка, учитывая, что цена золота на мировом рынке в последние годы колеблется от 350 до 380 долл. за унцию. В любом случае, поскольку мы возвращаемся к золотому стандарту, то какой бы ни была новая цена золота, все 100% золотого запаса Федерального резерва должны быть разделены среди его кредиторов. В первоначальном определении содержания золота в долларе нет ничего сакрального, как только мы станем его придерживаться, у нас появится золотой стандарт.

Если мы хотим переоценить золото так, чтобы 260 млн золотых унций можно было оплатить 404 млрд долл. обязательств Федерального резерва, то новая фиксированная стоимость золота должна быть установлена путем деления 404 млрд долл. на 260 млн унций и равна 1555 долл. за унцию. Если мы переоценим золотой запас Федерального резерва по «цене» 1555 долл. за унцию, тогда 260 млн унций будут стоить 404 млрд долл. Или, другими словами, «доллар» будет определен как 1/1555 унции золота.

Как только эта переоценка произойдет, Федеральный резерв может и должен быть ликвидирован, а его золотой запас разделен. Банкноты Федерального резерва должны быть изъяты из обращения и обменены на золотые монеты, отчеканенные Министерством финансов. Счета до востребования, открытые банками в Федеральном резерве, будут обменены на золотые слитки, которые потом будут помещены в хранилища банков, а депозиты, открытые самими банками, будут погашаться их владельцам золотыми монетами. Короче говоря, Федеральный резерв будет упразднен одним махом, а Соединенные Штаты и их банки вернутся к золотому стандарту с «долларами», погашаемыми золотыми монетами по курсу 1555 долл. за унцию. И вновь, как и до гражданской войны, каждый банк должен будет сам о себе заботиться.

Огромным преимуществом данного плана является его простота, так как его реализация потребует лишь минимальных изменений в банковском деле и денежной массе. Хотя будет упразднен Федеральный резерв и восстановлен золотой стандарт, в этот момент банковская деятельность с частичным резервированием не будет объявлена незаконной. Реформа не будет касаться банков, но теперь, когда Федеральный резерв и его младший партнер, федеральное страхование вкладов, будут упразднены, банки, наконец, станут самостоятельными, и каждый банк будет отвечать за свои действия [68]. Не будет кредитора в последней инстанции, не будет финансовой помощи за счет налогоплательщиков. Наоборот, при первых признаках затруднений в погашении любого своего счета золотом любой банк будет вынужден немедленно закрыть свои двери и ликвидировать свои активы в пользу своих вкладчиков. Золотомонетный стандарт вкупе с незамедлительной ликвидацией любого банка, который не способен выполнить свои обязательства, приведет к столь «твердой» и здоровой свободной банковской системе, что проблема инфляционного кредита или фальшивомонетничества будет сведена к минимуму. Возможно это «второе наилучшее» решение по сравнению с идеалом, считающим банкиров, использующих частичное резервирование, растратчиками, но этого по крайней мере достаточно для великолепного временного решения проблемы, пока люди не будут готовы к банковскому делу со 100%-ным резервированием.